

Убить Пифагора

Автор:

Маркос Чикот

Убить Пифагора

Маркос Чикот

Ток. Национальный бестселлер. Испания

Античный детективный триллер с элементами научно-познавательного квеста в декорациях Древней Греции. Один из главных героев – великий Пифагор. Смертельный ?-квест: серийный убийца против пифагорейцев.

Полис Кротон, 510 г. до н. э. Почтенный философ Пифагор – один из самых влиятельных людей своего времени, лидер могущественной религиозно-философской организации – готовится назначить преемника. Втайне от всех он выбирает лучшего из шести учеников. Но череда убийств, каждое загадочнее и необычнее предыдущего, потрясает школу пифагорейцев. Некто расправляется с кандидатами. И кажется, что темный разум убийцы превосходит по гениальности самого Пифагора. Очевидно, что смерть великого философа должна стать кульминацией в его зловещем сценарии...

Чтобы вычислить убийцу, глава пифагорейцев прибегает к услугам египтянина Акенона, известного своими талантами в подобных делах. Но поможет ли Акенону его знание человеческой природы против столь грозного и хитрого врага?

Национальный бестселлер Испании и самая продаваемая электронная книга на испанском языке в истории. Автор – финалист премии Planeta – самой ценной литературной награды после Нобелевской премии по литературе. Премия Mediterranean Culture Award за лучший роман.

«Исторический триллер года». – Novelas-historicas

«Преступление, детективные загадки, любовь и динамичная триллерная интрига». – Historia National Geographic.

«На редкость интересный роман от автора, умеющего сохранить напряжение и динамику до самого конца». – Leer es viajar.

«Жаркий исторический триллер, который переносит нас в колыбель современной цивилизации, в самый центр интриг и страстей». – Diario la vanguardia.

«Тщательность, с которой автор реконструирует эпоху, придает роману невероятно реалистичное звучание». – Adivina quien lee.

Маркос Чикот

Убить Пифагора

© Беленькая Н.М., перевод на русский язык, 2021

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

Ларе и другим людям, которые на протяжении всей жизни помогали мне чувствовать себя любимым.

Спасибо.

Будешь ты знать еще то, что люди свои все несчастья

Сами своею виной на себя навлекают в безумьи

И выбирают свободно каждый свои испытанья.

Горе несчастным! В своем ослепленье безумном не видят

Люди, что в их глубине таится желанное счастье [1 - Перевод Е. П. Казначеевой; то же для следующего фрагмента.].

«Золотые стихи Пифагора»[2 - Свод этических поучений пифагорейцев, неэзотерическая часть их учения, которую они посчитали нужным озвучить вовне своего сообщества.]

Больше всего же стыдиться должен ты сам пред собою.

«Золотые стихи Пифагора»

Пролог

25 марта 510 года до н. э

«Один из них – мой преемник», – подумал Пифагор.

Он сидел на земле, скрестив ноги, склонив голову и закрыв глаза, погруженный в глубокую медитацию. Перед ним сидели шестеро. И ждали.

Философ преодолевал непостижимые границы, созерцал человеческий дух и законы космоса. Отныне его главная задача состояла в том, чтобы основанное им братство не утратило учения, когда его не станет.

Он глубоко вдохнул терпкий дымок благовоний. Было прохладно, в воздухе нежно пахло миртом, можжевельником и розмарином – очищающими травами, которые ученики воскурили в начале этой особенной встречи.

Непоколебимая твердость его духа внезапно пошатнулась. Сердце на пару секунд замерло, и он приложил титанические усилия, чтобы лицо не дрогнуло. Напротив сидели самые способные ученики, ожидая, когда он выйдет из медитации и заговорит. «Они не должны ничего замечать», – встревоженно сказал он себе. Он всегда делился с учениками предчувствиями, но только не

сейчас. Предзнаменование было слишком мрачным. Оно мучило его неделями, и он упорно молчал, не раскрывая подробностей.

Пифагор медленно выдохнул. Темная власть предчувствия усилилась, когда они оказались в храме; однако не было никаких признаков того, что им угрожает опасность.

Шестеро мужчин, сидевшие полукругом и облаченные в простые льняные туники, принадлежали к высшему кругу братства – к великим учителям. За эти годы он глубоко привязался к ним и гордился ими. Самые развитые умы эпохи, каждый из них внес личный вклад в пифагорейское учение. Однако лишь тот, кого он назначит преемником, получит последнее наставление и вместе с ними поднимется на заключительную ступень, отделяющую человеческое от божественного.

С годами духовный наследник обретет невиданное в истории земное могущество. Он станет вождем пифагорейских элит, которые правят, следуя моральным принципам братства, на все более обширной территории. Братство распространилось за пределы Великой Греции [3 - Греческие колонии в южной Италии – на побережьях оконечности Апеннинского п-ова и на Сицилии; среди этих колоний – города Кротон и Сибарис, где разворачиваются основные события романа.]: оно управляло городами изначальной Эллады, общинами этрусков, внедрялось в процветающий Рим. Их ожидали Карфаген, Персия. ...

И все же ученики не должны забывать, что земное могущество не цель, а всего лишь средство.

Пифагор неторопливо поднял голову и открыл глаза.

Шестеро учеников вздрогнули. Огонь в золотистых глазах учителя горел сильнее, чем когда-либо. Белоснежные волосы спадали на плечи и, казалось, сияли, как и густая борода. Ему было за семьдесят, но он сохранял почти первозданную силу юности.

– Наблюдайте за тетрактисом, ключом к вселенной. – Голос Пифагора, глубокий и мягкий, раздался в торжественной тишине полукруглого храма.

В правой руке философ держал ясеневую ветку, которая указывала на мраморный пол. Между собой и учениками он разложил небольшой пергамент с несложным рисунком. Треугольник из четырех рядов точек. В основании четыре точки, следующий ряд – три, затем две и, наконец, одна. Эти десять точек в треугольнике были одним из основных символов братства.

Пифагор продолжал, голос его звучал величественно и властно.

– В течение ближайших дней последний час наших занятий мы будем посвящать анализу числа, содержащего все и вся. Это число – десять. – Он указал ясеневой веткой на тетрактис. – Десятка содержит сумму геометрических измерений. – Он поочередно коснулся веткой каждого ряда, нарисованного на пергаменте. – Один – точка, два – линия, три – плоскость, четыре – трехмерное пространство.

Наклонился вперед и вгляделся пристальнее.

Когда он снова заговорил, голос его звучал строже.

– Десятка, как вы знаете, символизирует полное завершение цикла.

Произнеся последние слова, он посмотрел на Клеоменида, ученика, сидящего справа от него. Тот сглотнул слюну, сдерживая прилив гордости. Было очевидно, что Пифагор говорил о своем уходе и о том, кто его сменит.

Пятидесятишестилетний Клеоменид знал, что он один из главных кандидатов в преемники. Замечательный математик, хотя, возможно, и не самый блестящий, выделялся прежде всего неукоснительным соблюдением строгих моральных правил братства. А также и своим политическим весом, поскольку происходил из известного аристократического семейства Кротона и умело вмешивался в дела правительства.

Лицо Пифагора смягчилось, казалось, он вот-вот улыбнется. Клеоменид был главным кандидатом, однако с принятием окончательного решения Пифагор не спешил. Прежде следовало проанализировать поведение всех учеников, когда они узнают, что решается вопрос о преемственности. Выбор кандидата мог

затянуться на несколько месяцев, однако сейчас ему хотелось увидеть их первую реакцию, самую показательную.

Он перевел взгляд на Эвандра, чье лицо выражало искренность и простодушие. Один из самых молодых членов его внутреннего круга в свои сорок пять. Отец его был купцом из Тарента и регулярно навещался в Кротон. Эвандр, второй сын, много помогал отцу, чтобы научиться управлять делом; но однажды, двадцать пять лет назад, он услышал речи Пифагора и сразу же решил присоединиться к братству. Отец отправился к философу, чтобы выразить свое возмущение. Через полчаса он покинул общину, счастливый тем, что оставил с этими людьми своего сына, а впоследствии тоже принял посвящение и, пока жизнь его не угасла, регулярно посещал общину.

Крепкий и энергичный Эвандр оставался таким же преданным, как и в тот первый день. Сохранял он и природную импульсивность, изрядно смягченную постигнутой мудростью.

«Для достижения полного самообладания ему потребуется еще несколько лет практики», – размышлял Пифагор.

Десять точек содержал в себе тетрактис, десять мраморных статуй созерцали учителя и учеников. У ног богини Гестии [4 - Богиня не только домашнего очага, как указано далее, но и, в широком смысле, правильного устройства общежития где бы то ни было – в семье, общине, государстве.], стоявшей позади Пифагора, горел священный огонь, который никогда не угасал. Гестия образовала идеальный круг вместе с девятью другими статуями, изображавшими девять муз, которым было посвящено святилище – Храм Муз.

Напротив Пифагора, заслоняя музу Каллиопу и глядя на своего учителя со сдержанным почтением, сидел Гиппокреонт. Возраст в шестьдесят два года делал его самым старшим учеником высшей степени посвящения. Уроженец Кротона, он с ранней юности отошел от главных занятий своей семьи, политики и торговли, чтобы посвятить себя философии. Отшельник по призванию, он почти не покидал общину, в редкие же случаи, когда ему приходилось выходить за ее пределы, использовал свою особую харизму для достижения выгодных преобразований. Связи его семьи были очень важны для братства. Трое братьев Гиппокреонта входили в Совет Трехсот – высший руководящий орган Кротона – и также были посвящены в пифагорейство. Время от времени они навещались в общину и соблюдали многие ее заповеди, а также управляли городом вместе с

другими пифагорейскими представителями.

«Гиппокреонт, если бы твоя натура не чуралась политики, как кошка воды, ты мог бы стать главным кандидатом», – подумал Пифагор.

С годами пифагорейское движение могло превратиться в империю. И это была бы первая философско-этическая империя за всю историю. Вождем ее должен был стать человек, обладающий большими политическими способностями.

Собираясь перейти к следующему кандидату, Пифагор вынужден был остановиться. Он склонился к тетрактису и закрыл глаза. Странное ощущение прокатилось по спине и рукам, вздыбив волоски на коже. Он задержал поток мыслей, чтобы предзнаменование обрело более четкую форму. Но перед ним явилась все та же густая тьма, что и в прошлый раз. Некоторое время он всматривался в нее, пытаясь различить что-то еще, но в конце концов отказался от своих усилий. Полностью пришел в себя и поднял глаза.

Сидевший спиной к великолепным статуям муз Полигимнии и Мельпомены, Орест смущенно потупился, встретив пронзительный взгляд учителя.

«Ты все никак не простишь себе то, что давно искупил», – печально подумал Пифагор.

У халдейских волхвов [5 - Здесь: вавилонское жречество и близкие к нему круги.] он научился считывать помыслы людей через жесты, мимику, взгляд или смех. В Оресте он с самого начала ощущал вину и сожаление. Когда-то давно, будучи молодым политиком, тот украл золото, воспользовавшись занимаемой им государственной должностью. Он вернул украденную сумму, а затем пожелал войти в общину. Пифагор устроил ему просмотр и был настроен скептически, но удивился, разгадав его помыслы. Он понял, что Орест никогда больше не совершит аморального поступка. Прежде чем пройти через таинства очищения, которым учил Пифагор, Орест подавил в себе склонность к себялюбию и жадности. Когда он пробыл три года акусматиком [6 - Первая ступень посвящения пифагорейцев, где через акузмы, т. е. особые постулаты, постигалась мифорелигиозная и этическая части учения; члены второй, математической ступени, занимались наукой.] и поднялся до степени математика, Пифагор пришел к выводу, что у него выдающиеся способности в области числовых понятий.

«Возможно, именно ты лучше других сочетаешь в себе математический дар и моральную чистоту, но если ты придешь к власти, запятнанное прошлое может стать опасным политическим оружием против тебя», – размышлял Пифагор.

Следующим в полукруге сидящих был Даарук. Он родился в царстве Кошала, одном из шестнадцати махаджанапад, великих государств в районе рек Инд и Ганг. Оттенок его кожи, более темный, чем у греков, – единственное, что выдавало в нем чужеземное происхождение. Он поселился со своим отцом в Кротоне одиннадцать лет назад и говорил на идеальном греческом без акцента. Сейчас ему было сорок три года, на два года меньше, чем Эвандру, что делало его самым молодым членом пифагорейской элиты. Интеллектуальные способности с самого начала выделяли его среди остальных.

Тем не менее делать его преемником Пифагор не собирался.

И не только потому, что назначение чужеземца вождем могло привести к трениям. Даарук обладал блестящим умом и был верным последователем моральных законов, но не раз проявлял тщеславие – возможно, из-за возраста. Кроме того, в последние годы он заметно обленился.

Последний ученик напряженно смотрел на Пифагора.

Аристомаху пятьдесят, и тридцать из них он провел с Пифагором.

Он необыкновенный математик, а его преданность не вызывает никаких сомнений.

Он бы без колебаний отдал жизнь за общее дело.

Прежде Пифагор ни разу не встречал человека, обуреваемого такой жаждой знания. Никого, кто так ценил бы учение. Аристомах жадно впитывал каждую идею, как умирающий от жажды – единственную каплю воды, и вскоре начал вносить заметный вклад в жизнь общины.

Будь у него сильная личность, он был бы идеальным кандидатом.

Но сильной личности ему как раз не доставало.

В свои пятьдесят он был так же неуверен в себе и беспокоен, как десятилетний мальчишка. Он старался поменьше выходить из общины, и Пифагор давно не просил его произносить публичные речи.

Философ вздохнул и окинул взглядом сидящих в обратном направлении, не задерживаясь ни на одном из великих учителей: Аристомaxe, Дааруке, Оресте, Гиппокреонте, Эвандре и Клеомениде.

Потом склонил голову.

«Скорее всего, выберу Клеоменида. Окончательное решение приму через несколько месяцев», – кивнул он, обдумывая планы на будущее.

Избранник изменит мир.

Он взял обеими руками широкую чашу, стоявшую перед ним на полу. В чаше плескалось прозрачное вино, сквозь которое различалась фигура, вырезанная внутри: пентакль. Пятиконечная звезда, вписанная в пятиугольник. Еще один священный символ, скрывавший великие тайны природы. У пифагорейцев было принято, что к каждой вершине пентакля добавлялась буква, составлявшая слово ??????, «здравие».

Пифагор поднял глаза. Тени учеников трепетали на стенах в такт священному огню. За ними виднелись музы, подсвеченные оранжевым пламенем.

– Поднимем чаши за Гестию, богиню домашнего очага, за муз, которые нас вдохновляют, и за тетрактис, раскрывший нам тайны вселенной.

Шестеро учеников взяли свои чаши и благоговейно подняли их на уровень глаз. Несколько секунд они держали их неподвижно, затем опрокинули залпом.

Пифагор поставил свою красную глиняную чашу и провел рукой по бороде. Справа кто-то выронил посудину. Учитель повернул голову в сторону звука.

Клеоменид напряженно смотрел на него, открыв глаза так широко, что казалось, они вот-вот выскочат из орбит.

- Что...

Прежде чем Пифагор закончил фразу, любимый ученик подался вперед, пытаясь схватить учителя за руку. Онемевшие пальцы остановились на полпути. Он попытался заговорить, но послышалось лишь бульканье, наполнившее рот пеной. Шея покраснела, вены на ней вздулись.

Посреди священного Храма Муз Клеоменид безжизненно рухнул на пол.

Пифагор

...Он был одним из самых могущественных людей своего времени и одним из самых загадочных людей всех времен. Обладая непреодолимой харизмой и потрясающим интеллектом, он провел первую часть своей жизни, путешествуя в поисках новых знаний. Учился у лучших греческих учителей – Анаксимандра и Фалеса из Милета. Впоследствии в течение долгих лет впитывал знания египтян, лучших математиков и геометров своего времени. Позже в Месопотамии халдейские волхвы и вавилонские математики передали ему познания в арифметике, астрологии и астрономии. Его выдающийся ум объединил мудрость Востока и Запада, и на основе этого синтеза он сделал революционные открытия, изменившие судьбу всего человечества.

Наряду с научными знаниями изучал религии всех культур, священные мистерии и практики духовного возвышения. Некоторые современники утверждали, что он способен исцелять наложением рук и что свидетели не раз наблюдали, как он управляет силами природы и пользуется даром предсказания.

Во второй половине VI века до нашей эры Пифагор основал философское, математическое и политическое движение, которое быстро распространилось по всей Великой Греции – греческим колониям Итальянского полуострова и Сицилии. Начав с Кротона, он сформировал политическую и интеллектуальную элиту, которая мирным путем взяла на себя контроль над правительствами Кротона, Сибариса, Тарента и многих других городов. Эти города оставались независимы друг от друга, и тем не менее их правители считали Пифагора не просто вождем, а полубогом.

...

Сокрам Оффисис.

Математическая энциклопедия.

1926 [7 - Вымышленная книга. Имя автора Сокрам – это прочитанное наоборот имя автора романа, Маркос, а фамилия – перевернутое исп. Си2сифо, т. е. рус. Сизиф.]

Глава 1

16 апреля 510 года до н. э

Не поднимая глаз от глиняной чаши с вином, Акенон исподволь наблюдал за трактирщиком. Тот подошел к столу, остановился в паре шагов от него, вздрогнул и снова отошел. Ему не нравилось, что клиент никак не допьет даже первую чашу, но он не осмеливался потревожить чужеземца, скорее всего, египтянина, который не только запросто мог оторвать ему голову, но был вооружен изогнутой саблей и кинжалом, который не удосужился спрятать.

Акенон погрузился в себя, не обращая внимания на унылую атмосферу харчевни. Он сидел там уже битых два часа и просидел бы еще, но с заходом солнца к нему должен был присоединиться человек, который никогда не вошел бы в этот притон по своей воле.

Он рассеянно коснулся чаши, сделал небольшой глоток. Вино было на удивление пристойным. Не поднимая головы, он обвел помещение взглядом.

«Этой ночью все кончится», – подумал он.

* * *

Большинство легенд представляет собой преувеличение, зачастую мало соответствующее реальности. «Но в случае с сибаритами легенды почти всегда правы», – подумал Акенон.

Сибарис был одним из самых густонаселенных городов, которые он когда-либо встречал в своей напряженной жизни. Говорили, в нем обитает триста тысяч душ, и, возможно, это была правда. Остальные же мифы были верны лишь для той части города, которая располагалась неподалеку от порта. Там проживало большинство аристократов, владевших почти всей плодородной равниной, на которой раскинулся город, а заодно и торговым флотом, который уступал лишь финикийскому.

Сибаритские аристократы в точности соответствовали тому, что про них говорили: жили ради удовольствия, роскоши и изысканности. Они стремились к комфорту до такой степени, что не позволяли устанавливать кузницы, мастерские котельщиков или же чеканить монету в своей части города. От работы бежали, как от чумы, однако не пренебрегали властью, которую осуществляли лично, а также торговлей, которой управляли через доверенных людей. Они копили богатство в течение двух столетий, и Акенон был этим весьма доволен, потому что благодаря их состоянию ему было поручено самое высокооплачиваемое расследование в его жизни.

* * *

Уже совсем стемнело, когда у входа в харчевню обозначился силуэт. Он разыскал Акенона, сдержанно поприветствовал и снова исчез. Через минуту вошло несколько слуг, за которыми следовал некто в капюшоне. Этому человеку не имело смысла прятаться за капюшоном: одетое в роскошные атлас и бархат, тело его было в два раза жирнее обычного.

Раб поспешно придвинул сиденье с плетением из кожаных ремешков, сверху положил толстую пуховую подушку, и человек в капюшоне неловко уселся напротив Акенона. Вокруг толпились слуги, одни в ожидании распоряжений, другие в качестве телохранителей. Трактирщик сделал было шаг навстречу, однако его не подпустили.

Акенон поднял чашу, обращаясь к прибывшему:

– Отведай вина, Главк. Оно довольно сносное.

Главк презрительно махнул рукой и снял капюшон. Он пил только лучшие вина Сидона [8 - Один из городов Финикии, ныне Сайда в Ливане.].

Акенон внимательно посмотрел на своего соседа по столу. Тот сложил на груди руки, пухлые и влажные. Подбородок занимал то место, где должна была располагаться шея, по мясистым щекам сбегали капли пота. Глаза, обманчиво нежные, двигались быстро, словно он не в силах сосредоточить взгляд.

«Похоже, сегодня вечером я открою нового Главка», – подумал Акенон.

Внезапно им овладело давнее и не слишком приятное воспоминание о тех временах, когда он жил в родном Египте. Около двадцати пяти лет назад он блестяще завершил одно расследование, благодаря которому его нанял сам фараон Амос Второй. Якобы для того, чтобы сделать частью личной охраны, на самом же деле Акенону надлежало следить за придворными и чрезмерно заносчивой знатью. Несколько месяцев спустя Акенон раскрыл заговор, организованный двоюродным братом фараона. Амос Второй щедро его отблагодарил, и юный Акенон раздувался от гордости. На следующий день он присутствовал на допросе родственника фараона, обвиненного в заговоре. После угроз начались избиения. Затем появились жуткие металлические штуковины, и допрос превратился в страшную пытку. Акенону стало так плохо, что он предоставил вести допрос другим. Через полчаса вопросов уже не задавали. Акенон не уходил, уйти было бы признаком неприемлемой слабости. Он уставился в стену в нескольких метрах от допрашиваемого, стараясь, чтобы картины пыток не отпечатались в его мозгу. Но укрыться от криков было нельзя. С тех пор он часто просыпался в поту, а в голове гремело эхо пронзительных воплей.

Главк отвлек его от воспоминаний.

– Сколько надо ждать? – На лице сибарита отразилось болезненное отчаяние.

Все это они уже подробно обсудили, но Акенон терпеливо ответил:

– Чтобы вещество распалось, согретое кожей, потребуется от четырех до шести часов. Поскольку сейчас довольно прохладно, возможно, на пару часов больше.

Главк застонал и уткнулся лицом в ладони. Ждать придется не один час, и каждая минута казалась ему невыносимой мукой.

Глава 2

16 апреля 510 года до н. э

В двух часах езды от Сибариса Ариадна молча ужинала с двумя своими спутниками в трактире небольшого постоялого двора. Она сидела в углу трактира. Ей нравилось, чтобы за спиной никого не было.

Войдя, она быстро осмотрела помещение. Присутствующие выглядели безобидно, за исключением двух мужчин, которые сейчас сидели напротив нее метрах в шести-семи. Их громкие пьяные голоса выделялись над ровным гулом трактира. Время от времени они бросали вызывающие взгляды вокруг, а под одеждами у них угадывались здоровенные кинжалы. Ариадна сосредоточенно ужинала, не глядя в их сторону, однако краем глаза следила за их поведением.

Они тоже поглядывали на Ариадну. Особенно младший, Периандр, чьи глаза снова и снова устремлялись к сидевшей напротив молодой женщине. Его внимание привлекли ее светлые волосы, к тому же он заметил под белой туникой большие твердые груди. Он сделал еще один глоток вина. Они с напарником праздновали успешное завершение операции – перевозки краденого, которым обычно промышляли. В этот раз заработали достаточно, чтобы пару недель швыряться деньгами направо и налево. А может, одну неделю – все зависело от того, с какой скоростью они будут их тратить. Так, за день до этого они выложили изрядную сумму в сибаритском борделе. Периандр облизнулся, вспомнив египетскую рабыню, которую яростно взял сзади. Вот бы проделать то же самое и с этой светловолосой.

Ариадна, не отрываясь от еды, почувствовала, как один из мужчин направил на нее взгляд, полный липкого вожделения. Она вздрогнула от отвращения и сжала челюсти. Потом закрыла глаза и через мгновение полностью расслабилась. Хотя ее молчаливые спутники были людьми мирными, они были не единственной ее защитой.

Периандр наклонился к своему спутнику, не сводя взгляда с Ариадны.

– Антиох, посмотри на эту бабу. – Он кивнул на Ариадну. – Она сводит меня с ума. Вылитая Афродита.

– Да, вполне ничего, – тихо согласился Антиох.

– А с ней, гляди-ка, всего двое слабаков. – Он посмотрел на ее спутников с агрессивным презрением. – Мы с ними справимся одной рукой, если вторую привязать к спине. Если устроить западню, даже не пискнут. Что скажешь? – В этот миг Ариадна облизнула пальцы полными губами, отчего его желание возросло. – Скажи мне, что да, потому что я все равно получу эту женщину, даже если придется драться в одиночку.

Антиох вздрогнул и схватил Периандра за тунику.

– Заткнись, идиот! – пробормотал он. – Не знаешь, что ли, кто это?

Периандр удивленно уставился на своего плечистого спутника. Антиох поморщился и прошептал ему на ухо все, что знал о соблазнительной женщине.

Лицо Периандра побледнело. Он досадливо покосился на Ариадну, понурил голову и уперся в ладони лбом, скрывая лицо.

– Идем отсюда, – шепнул он.

Прежде чем Антиох ответил, он встал, стараясь поменьше шуметь, и поспешно вышел из трактира. Ариадна продолжала ужинать, не удосужившись поднять глаза.

Глава 3

16 апреля 510 года до н. э

А началось все с того, что месяц назад Акенон встретился с Эшдеком, своим самым близким другом еще по Карфагену.

Они сидели в просторном и теплом зале главной виллы карфагенянина, в деревянных креслах, покрытых большими пуховыми подушками. Эшдек, один из трех самых богатых купцов Карфагена, загадочно улыбнулся и сверкнул глазами.

– Тебя ждет новое поручение, Акенон. Уверен, тебе оно придется по душе.

Акенон смотрел на него с любопытством, ожидая продолжения и потягивая сладкое месопотамское вино из чаши слоновой кости. Ножка, идеально соответствовавшая форме его руки, была выполнена в форме лошади, вставшей на дыбы. Изысканная работа.

– На сей раз не для меня, а для Главка, одного из моих клиентов. Это мой лучший клиент. – Последнее Эшдек подчеркнул, подняв руку с вытянутым указательным пальцем, и по его пестрой тунике пошли волны.

Акенон слегка нахмурился. Он работал сыщиком в Карфагене пятнадцать лет, но тринадцать из них выполнял лишь поручения Эшдека. Благодаря им зарабатывал достаточно и очень ценил доверие и безопасность, которые находил в этих деловых отношениях. У него не было ни малейшего желания работать на кого-то еще... но ответить отказом могущественному карфагенянину он не осмеливался.

– В этой работе есть хорошее, но есть и плохое. – Эшдек сделал риторическую паузу. – Плохо то, что заниматься ею придется в Сибарисе.

Тут Акенон не выдержал и скривился. В море его укачивало, а чтобы добраться до Сибариса, предстояло плыть из Карфагена до Сицилии, обогнуть ее, достигнуть Итальянского полуострова, что уже займет около недели плавания, а оттуда по Ионическому морю в залив Тарента. В общей сложности почти две недели по морю, если погода будет достаточно хороша.

– Не делай такое лицо, положительная сторона компенсирует твою нелепую неприязнь к кораблям. На самом деле положительных стороны целых две. – Эшдек сделал глоток из своей чаши. – Во-первых, работа предстоит несложная и

безопасная... – На мгновение он задумался. – Впрочем, должен предупредить тебя, что Главк человек со странностями. – Акенон выгнул брови, а Эшдек продолжал: – Иногда кажется, что внутри него сосуществуют разные люди. То он ведет почти аскетическую жизнь в обществе ученых, которым платит баснословные деньги, чтобы те передали ему знания, а потом смотришь – вовсе предается обжорству и блуду.

– Ты имеешь в виду, что он может напасть на меня?

– Нет, что ты. Я лишь замечаю, что временами он непредсказуем, и тебе следует относиться к нему с некоторой осторожностью. – Он махнул рукой, словно не придавая сказанному особого значения. – Дело в том, что у Главка есть раб-подросток, в которого он безнадежно влюблен. Он сделал парнишку своим любовником и до недавнего времени счастливо им наслаждался. Но с некоторых пор заподозрил, что у юного раба есть другой любовник, и ревность сводит его с ума. Ему не удастся выяснить, кого предпочел раб, а поскольку от мальчишки он без ума, а абсолютной уверенности в том, что его обманывают, нет, он не решается вырвать признание с помощью пыток. Твоя задача – выяснить, не применяя силу и не вызывая подозрений, обманывает ли мальчик Главка или нет. И если да, то с кем.

Эшдек откинулся на спинку кресла. Он ждал, когда Акенон спросит, в чем второе преимущество нового дела, но друг-египтянин лишь улыбнулся. Эшдек любил контролировать беседу, задавая вопросы и наблюдая соответствующую реакцию, а Акенону нравилось дразнить карфагенянина, ускользая от его игры.

– О, во имя Астарты! – Эшдек поднял руки, имитируя отчаяние. – Скажи уже что-нибудь, проклятый сфинкс.

Акенон расплылся в улыбке:

– Ладно, уговорил. Сколько?

Он подозревал, что сумма будет немалая.

– Слушай внимательно.

Эшдек театрально помолчал, поднеся чашу к губам. Затем наклонился вперед и ждал, что его друг сделает то же самое.

- Оплата будет серебром. А общая сумма... вес раба!

«Вес раба серебром!» - ахнул про себя Акенон.

Он был впечатлен, но сумел скрыть удивление.

- А что за раб, насколько он толст? - спросил он, приподняв одну бровь.

- Побойся Баала [9 - Баал - центральное божество ряда древних ближневосточных культов, включая североафриканские.], какая разница!

Оба расхохотались. Каким бы худым ни был раб, это количество серебра по крайней мере в десять раз превышало сумму, которую Акенон обычно брал за свои услуги.

Ему достанется целое небольшое состояние... если он успешно расследует дело.

* * *

Главк плакал.

Некоторое время он сидел, уронив руки на стол и опустив на них голову. Его лица видно не было, но плечи вздрагивали через равные промежутки времени.

«Даже жаль его, - подумал Акенон. - Не хватало только, чтобы раб увидел его в таком виде».

Полчаса назад он заказал вторую чашу вина и, желая задобрить трактирщика, подал ему серебряную монету, потому что ни Главк, ни дюжина слуг за все время так ничего и не заказали.

«Надеюсь, ловушка сработает, и серебряных монет у меня будет вдоволь», - загадал он.

Внезапно Главк поднял голову. Он посмотрела на Акенона умоляюще, лицо его было залито слезами и потом.

– Мы можем идти? – спросил он срывающимся голосом.

– Запомни: сработает не раньше, чем через четыре часа.

Внезапно Главк побагровел. Яростно ударил кулаком по столу и вскочил.

– Я не собираюсь давать этим проклятым свиньям так много времени! – Он повернулся к своим людям. – Уходим!

И покинул харчевню, так и не сняв капюшона. Акенон сделал последний глоток вина и вышел за ним следом. На улице Главка дожидалась дюжина телохранителей и двухколесная повозка с сиденьем, покрытым подушками. Несколько слуг помогли ему подняться. Устроившись, сибарит махнул рукой Акенону.

– Садись, оба поместимся.

Несколько мгновений Акенон колебался. В повозку не была запряжена лошадь. Шестеро рабов схватились за оглобли, заняв место животных. В благородных районах Сибариса во время дневного сна и по ночам конные повозки были запрещены. Акенон предпочитал шагать рядом с повозкой, но заподозрил, что Главк погонит рабов рысцой, а потому поднялся следом и устроился на сиденье рядом с толстым сибаритом.

– Во дворец, быстро!

Рабы потащили повозку прочь, остальная челядь бросилась вслед. Всего Главка сопровождали два десятка человек, половина охранников держала обнаженные мечи. Улицы этого скромного квартала были почти пустынные, единственным освещением служили факелы, которые несли люди Главка. В некоторых углах виднелись приземистые тени, разбойники или нищие, спешившие убраться с их пути. Акенон оторвал взгляд от грязных узких улочек, по которым они продвигались, и осторожно посмотрел на сибарита. Его круглое лицо было непроницаемо, но в измученных глазах читалась тревога.

Вскоре добрались до квартала аристократов. Мостовую здесь покрывал грубый холст, и грохот колес превратился в глухое рокотание, вкрадчивое, как приближение убийцы. Они прибыли во дворец Главка. Высокие красноватые стены придавали строению вид крепости, будто указывающей на несметное богатство своего владельца. Они пересекли портик и вышли во двор. Главк сошел с повозки, колыхаясь всем телом и истерично выкрикивая приказы:

– Поднимайте всех! Пусть все немедленно соберутся в зале пиршеств!

Затем направился в сторону прихожей и приблизился к едва заметной в сумраке тени. Тень сделала шаг вперед, превращаясь в свете факелов в огромную человеческую фигуру. Акенон вздрогнул от неожиданности. Сложно было привыкнуть к этому выродку, хотя он видел его ежедневно с тех пор, как прибыл в Сибарис. Борей, доверенный раб и телохранитель Главка. Он дежурил у входа, следя, чтобы никто не выходил из здания, пока хозяин в отъезде.

Главк о чем-то спросил Борей, тот покачал головой. У него не было другого способа выразить свои мысли, потому что в детстве, в родной Фракии [10 - Фракия – историческая область на востоке Балкан, на терр. совр. Болгарии (преимущ.), Турции и Греции.], ему вырвали щипцами язык, чтобы он мог стать доверенным слугой, который даже под пыткой не раскроет секреты хозяев.

Главк и Борей пересекли двор, Акенон последовал за ними, отставая от фракийского великана на несколько метров. Он старался держаться вне досягаемости его огромных ручищ. Акенон был довольно высок ростом, но Борей едва доставал до плеча. Кроме того, гигант был нечеловечески силен и, хотя вовсе не толст, весил вдвое больше Акенона. Его совершенно лысая голова была громадной, как у быка. Руки и ноги были толстыми, как деревья, под темной кожей угадывались грозные мышцы. Огромное туловище заканчивалось короткой шеей едва ли не шире головы, что усиливало массивный вид.

Акенон напряженно шагал за Бореем, не сводя глаз с его спины. Как-то раз он с изумлением заметил, что чудовище способно двигаться с проворством кошки. Однако было в нем еще и нечто другое, что тревожило Акенона куда больше: взгляд, которым он, казалось, преследовал каждого. Жуткий пристальный взгляд...

«... ледяной, как у мертвеца», – невольно подумал Акенон.

Глава 4

16 апреля 510 года до н. э

Через пять минут Акенон рассматривал последнего раба, поспешно вбежавшего в зал. Двери затворились.

В зале столпилось не менее двухсот человек.

Египтянину невольно передавался испуг людей, которых собрали, не объяснив причину. Почти все они были свободными слугами или рабами, хотя затесались среди них и какие-то родственники Главка, постоянно жившие в его доме. Двое вооруженных охранников перекрыли один из выходов, а другой выход загоразивала исполинская туша Борея.

Главк приказал поставить в центре помещения триклинии [11 - Триклиний – гарнитур из трех пиршественных лож-клиний.], скамейки и столы, которые использовались во время пиршеств, чтобы между мебелью и стенами оставался проход.

– Теперь у нас есть свой маленький стадион, – невесело пошутил тучный сибарит.

Он приказал разжечь угли в огромном очаге и наполнить его сухими дровами. Вскоре пламя загудело и полностью охватило дрова. В зале сразу же стало теплее.

Несколькими часами ранее Акенон передал Главку стеклянный флакончик, запечатанный воском.

– Держи его в прохладном месте и не открывай, пока не соберешься использовать.

Сибарит взял флакончик и настороженно покосился на Акенона. Все отводили глаза, чтобы ему угодить, и его раздражал этот слишком уверенный в себе египтянин. Особенно раздражала Главка его независимость в этот столь важный для него момент. Он почувствовал гнев, но в следующий миг его внимание вернулось к флакончику, который он держал в руках. Он поднес его к глазам и осмотрел содержимое. Густая жидкость желтовато-белесого оттенка.

- Ты уверен, что он ничего не заметит?

- Это вещество начисто лишено запаха, пока не станет разлагаться, - ответил Акенон. - Когда смешиваешь его с маслом, оно станет маслянистым. Его невозможно заметить.

Главк устало вздохнул и сунул флакон в один из карманов своего обширного хитона.

Через полчаса он заперся в своих личных покоях с Яко, рабом-подростком.

- Сегодня я сделаю тебе растирание.

Яко хитро улыбнулся. Длинная светлая челка прикрывала один из небесно-голубых глаз. Хитон соскользнул до талии, обнажив худое гибкое тело цвета алебаstra.

- Мой господин. - Он подошел к Главку чувственной походкой. - Вы собираетесь намазать этим мое тело?

Главк печально улыбнулся. Наверняка он сам виноват, что красавец Яко сделался таким похотливым.

- Ты будешь весь сиять, от шелковых волос до пальчиков твоих очаровательных ножек.

- А еще я буду скользкий, - мурлыкнул Яко, облизнув губы и приоткрыв рот.

Он улегся на ложе, и Главк принялся поглаживать мягкую кожу на его стройном теле. Рядом стояло блюдо с маслом, куда он то и дело обмакивал руку. В

обычное душистое масло он вылил все содержимое флакона, который дал ему Акенон.

Его касания были еще более нежными и неторопливыми, чем обычно. Главк проливал слезы над юным любовником, не желая заканчивать растирание, которое могло стать их последним интимным общением.

- Мне нужно уехать по политическим делам. Вернусь завтра днем, - солгал он.

Направляясь к дверям, он втянул голову и опустил плечи, и ему казалось, что взгляд парня пронзает ему спину.

«Надеюсь, сегодня твоя невиновность будет доказана, возлюбленный Яко. Ради всеобщего блага», - подумал он, прикрывая дверь.

* * *

- Яко, подойди ближе.

Юный раб стоял в углу зала вместе с другими доверенными слугами. На его лице смешались страх и недоумение. Почему хозяин вернулся посреди ночи, вытащил всех из постели и собрал в пиршественном зале? Почему он ведет себя так странно?

Он сделал пару шагов и неуверенно остановился. Вокруг все стояли неподвижно и молча, как статуи, не смея шелохнуться. Единственное, что слышалось в зале, - все более громкое потрескивание огня.

- Подойди ближе, Яко, - повторил Главк с притворной мягкостью. На пухлых губах нарисовалась добродушная улыбка.

Мальчик улыбнулся и сделал еще один шаг, но снова остановился. Что-то внутри заставляло его держаться подальше от хозяина.

- БЛИЖЕ!!!

Звериный рык сибарита заставил всех затаить дыхание. Когда стихло эхо, в зале слышались лишь приглушенные рыдания Яко. Испуганный раб подошел маленькими шажками, уронив голову.

«Бедный парнишка», – подумал Акенон.

Он не раскаивался в том, что сделал свою работу, но не мог не пожалеть совсем молоденького испуганного юношу.

Под пристальным взглядом двухсот встревоженных пар глаз Главк провел рукой по плечам Яко и подвел его к камину. Огонь плясал с яростью.

– Очень жарко, – слабо возразил Яко.

Главк не обратил внимания на его жалобу.

– Оставайся здесь. – Он повернулся к остальным. – Слуги, бегом по залу. В этом направлении, – одной рукой он очертил круг в воздухе, чтобы задать желаемый путь.

Несколько слуг вопросительно посмотрели друг на друга. Потом медленно и неуверенно затрусили рысцой.

– БЕГОМ!!! – заревел Главк, сотрясая рыхлые тела, пока в легких не кончился воздух.

Двести мужчин и женщины затрусили вокруг кресел, скамей и лож, стоящих в центре зала. Образовавшийся коридор был слишком узок, и слуги то и дело натыкались друг на друга. Тот, кто послабее, падал на пол, бегущие сзади пытались через него перепрыгнуть, но сложно было уберечь упавших от пинков и ударов. Никто не останавливался, чтобы помочь им встать на ноги.

Стены покрывали полированные серебряные панели, и испуганные люди многократно умножались в этих импровизированных зеркалах. Зрелище было ошеломляющим. Некоторое время Акенон молча смотрел на происходящее, потом подошел к Главку и Яко. Становилось все жарче, еще несколько минут – и все кончится... если не подведет мазь или раб и его любовник не искупались

после того, как были вместе.

«В противном случае ярость Главка обрушится на меня», – подумал Акенон, глядя на колоссальную фигуру Борея. Египтянин был в форме и отлично владел саблей, в конце концов он мог бы убежать, столкнувшись с охранниками, но против великана окажется бессилён.

– В чем дело? Чем это пахнет?

Испуганный Яко озирался по сторонам, постепенно догадываясь, что неприятный запах исходит от него самого. Главк отошел на несколько шагов от сильного жара, который поднимался от очага. Теперь он снова подошел к Яко и принюхался к вонючей, исходящей от кожи подростка. Смесь серы и гнилых овощей.

– Ага. Теперь я знаю, как это пахнет. Можешь отойти от огня. Встань там, в сторонке, в том углу.

Все еще не догадываясь, что происходит, Яко с видимым облегчением отошел от очага. Все его тело пылало, от хитона поднимался чуть заметный сизый дымок. Под безумные вопли Главка мальчик дымился, не смея без приказа отойти от пламени. «По крайней мере, мазь сработала», – подумал Акенон, немного успокоившись.

Однако напряженность возрастала, и от спокойствия не осталось и следа. Главк принялся расхаживать по залу, разглядывая раскрасневшиеся лица бегущих слуг. Он шагал нетвердо, сжимал кулаки и дышал с трудом, будто бы сам бежал.

– Остановитесь, – неожиданно приказал он. – А теперь шагайте медленно.

Главк стоял посреди потного людского потока. Все смотрели на хозяина с ужасом – рабы, свободные слуги и даже родственники. Главк откинул голову назад и закрыл глаза. Крылья его носа раздувались, вбирая как можно больше воздуха.

Пару минут слышался лишь топот двухсот человек, крадущихся чуть ли не на цыпочках, чтобы их не замечали. Пахло потом и гнилью. Акенон заметил, что

мимо сибарита никто старался не проходить. Очень может быть, что Яко не обманывал своего господина.

– Остановитесь, – приказал Главк чуть слышным шепотом.

Он уронил голову и несколько секунд стоял с закрытыми глазами. Со своего места Акенон видел, что по лицу толстяка текут слезы.

Все замерли и выжидательно уставились в пол. Главк очнулся и направился к слугам. Он внимательно их рассматривал, и лицо его не выражало ничего, кроме глубокой усталости. Затем отошел на несколько шагов.

– Камир, подойди, – проговорил он хриплым голосом.

Молодой привлекательный мужчина отделился от толпы и неохотно двинулся к господину. Тот осторожно его обнюхивал.

– Прочь. Теперь ты, – указал он на пожилую женщину. – Подойди ближе.

Несколько секунд женщина стояла перед ним.

– Уходи. – Рабыню как ветром сдуло. – Фессал, подойди ближе.

Человек по имени Фессал отошел от остальных слуг. На вид ему было около тридцати, на добродушной физиономии, привыкшей улыбаться, теперь отражался только страх. Главк понюхал его шею, потом грудь. Не меняя выражения, тяжело опустился на колени и обнюхал промежность, словно собака.

– Помоги встать.

Фессал был высок и силен, но Главка он поднял с заметным усилием. Оказавшись на ногах, толстый сибарит вздохнул с облегчением и вдруг с поразительной силой отвесил Фессалу такую затрещину, что тот рухнул на пол.

– Проклятый сукин сын, я так тебе доверял, вытащил из грязи, и вот как ты мне платишь!

Фессал лежал на полу, прижав руку к уху. Меж пальцев появилась струйка крови. Губы дрожали, он не осмеливался ни шевельнуться, ни возразить. Главк был вне себя, он весь трясся, словно вот-вот лопнет от ярости.

Акенон спросил себя, какое наказание ждет этих несчастных. Наверняка даже Главк не знал об этом. Несмотря на предостережения Эшдека, до этой ночи Акенону казалось, что сибарит – человек вполне разумный. За время, проведенное во дворце, он не раз видел, как на пирах хозяин часами поглощал изысканные яства, а потом плакал от умиления во время музыкальных и танцевальных представлений, которые устраивал ежедневно.

Эшдек предупредил Акенона, что Главк излишне порывист и не всегда предсказуем, однако сцена, разыгранная сейчас перед ним, была воплощением насилия и ненависти.

Главк скривился от ярости и повернул голову к одной из дверей.

– Борей!

* * *

Повисла такая плотная тишина, что трудно было вздохнуть. В перегретом воздухе, пропитанном зловонием мази, послышался сдавленный крик.

– Нет, нет, пожалуйста. – Это, лежа на полу, взмолился Фессал: услышав имя великана, он был в ужасе и отчаянии.

Огромный фракиец медленно двинулся к хозяину. Люди расступались, представляя, что произойдет с тем, кто до сих пор был верным слугой и виночерпием Главка, всегда держа наготове чашу сидонского вина и по сигналу протягивая ее хозяину.

– Возьми его!

Фессал повалился на спину, делая жалкую попытку отползти в сторону. Борей мигом догнал его и поднял одной рукой, словно мышь. Огромный кулак обхватил предплечье виночерпия, повисшего на вытянутой руке великана.

- Нееееет!

Отчаянный крик Яко потряс всех собравшихся. Мальчик пересек зал и бросился к Главку.

- Отпусти его, прошу. Делай со мной все, что хочешь, но с ним ничего не делай.

Раб бросился к ногам хозяина, который посмотрел на него с внезапной нежностью.

- Ты любишь его, не так ли?

Яко поднял свои голубые глаза, ободренный нежным голосом Главка. Тот тыльной стороной руки погладил его щеку.

- Да, - простодушно ответил Яко.

Главк ласкал его несколько секунд, затем, не сводя взгляда с мальчика, обратился к Борею.

- Убей его.

Великан прижал спину несчастного Фессала к своей груди и сжал его в железных объятиях. Яко отчаянно взвизгнул, прижимаясь к ногам хозяина. Борей остановился и посмотрел на Главка в ожидании отмашки.

Акенону показалось, что все его тело словно парализовало. Будто он снова очутился у фараона в комнате пыток. Но на этот раз не может отвести глаз.

- Убей! - воскликнул Главк.

Борей медленно сжимал объятия, продлевая предсмертные муки Фессала. Яко выскочил из-под ног Главка и бросился к его ногам. Губы великана дрогнули в улыбке.

«Чудовище» Акенон инстинктивно сжал рукоять своей сабли.

Фессал открыл глаза так широко, что казалось, они вот-вот выскочат из орбит. Лицо его из красного превратилось в фиолетовое. Послышался первый хруст, за ним второй и третий. Рот несчастного искривился в беззвучном крике. Он забился, но Борей этого даже не почувствовал. Когда гиганту показалось, что жертва испускает дух, он немного ослабил хватку. Потом набрал воздуха, сжал челюсти и яростно напряг руки. Грудь Фессала лопнула, как раздавленная слива, издав ужасный сочный хруст.

По залу прокатилась дрожь.

Борей снова сжал объятия, и Фессал изрыгнул кровавую жижу, брызнувшую прямо на Яко. Великан разжал руки, и безжизненное тело рухнуло на юного любовника.

Главк созерцал всю сцену с приоткрытым ртом.

– Фессал был твоим последним любовником, даю слово. – Красивый раб рыдал, уткнувшись лицом в пол и не осмеливаясь взглянуть на мертвого Фессала. – А ты проведешь остаток своей жалкой жизни, прикованный к веслу. Ты не протянешь и месяца: привык к сладкой жизни, которую имел у меня во дворце. – Он сделал паузу. – Но сначала тобой займется Борей.

Яко, залитый кровью Фессала, дрожал, сжавшись на полу. Главк вновь обратился к великану.

– Я хочу, чтобы ты выжег ему лицо каленым железом, пусть оно станет безобразным. Сотри без следа предательскую красоту. – Его голос сорвался на последнем слове.

Борей кивнул. Одной рукой он поднял Яко и закинул его на плечо. Подросток взвизгнул и забился, как свинья под ножом мясника. На лице чудовища, выходившего с мальчиком на плече, Акенон заметил жестокую улыбку.

Тишину зала нарушало лишь веселое потрескивание огня. Все в ужасе ждали следующих действий Главка. Сибарит стоял неподвижно, прислушиваясь к смолкающим вдалеке воплям Яко. Как только они стихли, он пронзительно завизжал и рухнул на четвереньки.

– Вон, – пробормотал он с пола. – Убирайтесь вон!

Глава 5

17 апреля 510 года до н. э

Сибарис погрузился в тревожную тишину.

Казалось, жители покинули город.

Ариадна ехала на осле по широкой улице, окруженной роскошными каменными особняками. Большинство их владельцев выстроилось у входа колонны, как будто это не жилой дом, а храм, посвященный главным богам. За Ариадной ехали на ослах двое спутников. Время от времени она оборачивалась, чтобы убедиться, что они не отстали. Мостовая была покрыта тканью, и копыта животных не издавали ни звука. Ее спутники также не произнесли ни слова за всю поездку.

Разговаривать им не разрешалось.

Рассвело два часа назад, но улицы были совершенно пустынными.

«Удивительно, что многие сибариты считают себя пифагорейцами», – подумала Ариадна, рассматривая особняки, хозяева которых, должно быть, крепко спали.

Среди сибаритской аристократии было предостаточно тех, кто интересовался учением Пифагора, но занимала их лишь сама доктрина да некоторые наставления. Дисциплина, свойственная общине Кротона, центру братства и месту жительства самого Пифагора, была для них слишком тяжким бременем. Правительство Сибариса контролировалось довольно умеренными адептами пифагорейства.

Ариадна остановила осла перед широким портиком, украшенным стилизованными колоннами. За ними виднелась тяжелая запертая дверь из

металла и дерева. Она подняла глаза. На фризе под фронтоном красовались барельефы, изображающие Аида и Диониса, покровителей богатства и вина.

«Это должно быть здесь. Надеюсь, он никуда не отлучился», – подумала Ариадна.

Ловко спрыгнула на землю и решительно постучала в дверь.

* * *

Акенон погрузил руки в мешок с драгоценным металлом.

Множество мелких монет, браслетов, слитков... Он схватил какой-то наполовину погруженный предмет и достал его из мешка. Поднос среднего размера. Вместо ручек – два искусно вырезанных орла с распростертыми крыльями. Акенон удовлетворенно взвесил поднос на руке, затем положил обратно в мешок к остальному серебру. Зрелище завораживало. Он стоял на коленях на покрытом песком и соломой полу, наслаждаясь тишиной конюшни. Слышно было лишь мирное дыхание животных, и было очевидно, что никто не войдет.

«Просто не верится, что все эти сокровища принадлежат мне», – снова подумал Акенон.

Внезапно улыбка исчезла с его лица, он отдернул руки, будто боясь их испачкать. На память пришла зверская казнь Фессала.

Он с отвращением завязал мешок и положил его рядом с сумой такого же размера. Связал их друг с другом веревкой и приторочил на мула вместе с остальной поклажей.

Он вспомнил последние мгновения прошлой ночи. Как только Главк приказал всем выйти вон, в дверях образовался затор. Все так спешили убраться подальше от убийственного безумия господина, что в спешке несколько слуг получили увечья. Акенон остался с сибаритом, который, стоя на четвереньках, стонал, как больное животное.

Наконец Главк поднял распухшее от слез лицо.

– Дай мне чего-нибудь, чтобы я мог уснуть, – зарыдал он. Слюни свисали с его подбородка вязкими нитями. – Хочу отключиться, пока корабль с Яко не выйдет в море.

Акенон молча кивнул. Ему не нужен был Главк, чтобы получить причитающееся вознаграждение. Все условия они заранее обсудили с секретарем, который должен был с ним рассчитаться.

Он вышел из зала пиршеств и направился в свою комнату, чувствуя себя совершенно измученным. Проходя через дворец, он никого не увидел и не услышал ни звука, будто двести человек исчезли и дом опустел. Факелы во дворе освещали холодный, неподвижный ночной воздух. Войдя в спальню, он присел на край кровати и уронил голову. Через несколько секунд сунул руку под кровать и извлек суму, где хранилась большая часть его багажа

На дне лежал кожаный мешочек со множеством сосудов и мешочков, тщательно завернутых в тонкую кожу. И в Египте, и в Карфагене, и в Ливии Акенон посвятил много лет, обучаясь тому, как использовать силы растений, минералов и различных веществ животного происхождения. Кожаный мешочек был самой ценной вещью в его багаже. Он извлек пузырек из горного хрусталя. На внешней стороне виднелся символ, который умел интерпретировать только он.

«Если превышу дозу, Главк никогда не проснется».

Несколько секунд он обдумывал эту мысль. В его глазах Главк был настоящим преступником.

Казнь рабов разрешалась во многих культурах, но в большинстве эллинских городов смертной казнью наказывали только за убийство гражданина. Разумеется, если убийца был аристократом, преступление против раба почти никогда не расследовалось. Акенон считал себя апатридом [12 - Лицо без гражданства или подданства.], имеющим право судить и действовать по своему усмотрению. Тем не менее следовало быть осторожным: после убийства Главка покатится его собственная голова. К тому же он не был убийцей. До сих пор убивать ему доводилось лишь в целях самообороны, и он не хотел, чтобы это изменилось.

Он налил в кубок немного воды и осторожно добавил из флакончика две небольшие меры коричневого порошка. Перемешал полученное, пересек дворец и вернулся в пиршественный зал. Главк полулежал на одном из триклиниев и безутешно плакал. Труп Фессала все еще валялся на полу в луже крови. Услышав шаги, Главк поднял голову, схватил кубок и залпом выпил содержимое. Потом опустил кубок, посмотрел на Акенона и отвернулся, чтобы уснуть. Это был взгляд, полный неприязни. Он не поблагодарил египтянина и не стал бы благодарить никогда.

Мул вытянул шею, заметив вернувшегося Акенона. Он похлопал животное по крупу и покачал головой, пытаясь прогнать воспоминания о событиях прошлой ночи.

Юного Яко он больше не видел. Лицо парня было теперь изуродовано, и скоро его посадят на весла на одном из торговых кораблей Главка.

Акенон снова покачал головой и глубоко вдохнул холодный утренний воздух. Взяв мула за повод, он зашагал к воротам конюшни и вышел во внутренний двор.

Открывшаяся перед глазами картина заставила его остановиться. Мгновение спустя сердце забилося так, словно вот-вот выскочит из груди.

Глава 6

17 апреля 510 года до н. э

Ионическое море сверкало под утренним солнцем.

Вернувшись с утренней прогулки, Пифагор остановился у входа в общину рядом со статуей Гермеса. Опершись рукой на постамент, он смотрел на север, на полосу между морем и берегом.

«Завтра они вернуться», – размышлял он.

Клеоменид погиб три недели назад, и на душе у него по-прежнему было тяжело. Он с трудом принимал участие в мероприятиях общины. Его одаренный ученик был аристократом, и семья заказала тщательное расследование убийства, которое включало допрос всех членов сообщества, присутствовавших в ту роковую ночь.

Но ни единой зацепки так и не нашлось.

Поскольку родственники Клеоменида были посвящены в братство, Пифагор убедил их предоставить дальнейшее расследование ему самому.

«А в итоге я чувствую такую же растерянность, как в выборе преемника», – подумал Пифагор.

После смерти Клеоменида его достоинства в сравнении с остальными кандидатами стали еще более очевидны. Гиппокреонт, Орест и Аристоммах по разным причинам не годились для занятия политикой. Дааруку не хватало преданности, а Эвандру требовалось еще несколько лет, чтобы созреть окончательно.

Философ глубоко вдохнул и бросил последний взгляд на северную дорогу.

«Боги, даруйте мне просветление», – взмолился он.

* * *

Акенон неподвижно смотрел перед собой.

Сцена казалась столь же изысканной, сколь и безобидной, если не считать одной пугающей детали.

Двор Главка украшали колонны, которые образовывали по краю широкую галерею. Две из них поддерживали фронтоны, образуя портик, ведущий в более просторный двор, откуда можно было попасть к хозяйственным постройкам. К портику по другую сторону двора примыкал коридор, соединявший особняк с улицей. Это была его цель, которая вдруг показалась недостижимой.

В нескольких шагах от Акенона на пьедестале стояла статуя Аполлона в натуральную величину. Метрах в шести возвышался Дионис. Между ними, подобно сфинксу, охранявшему пирамиду, застыл Борей.

Гигантский раб стоял босиком, из одежды на нем была только набедренная повязка. Казалось, на утреннюю прохладу он попросту не обращает внимания. Он скрестил руки на широченной груди и закрыл глаза, словно дремал стоя.

Акенон оцепенел. Его мул стоял слева от него, понурив голову. Единственные признаки жизни во всем доме подавали за его спиной животные, запертые в конюшне.

Медленно и как можно более незаметно он сделал несколько шагов, пока не оказался по другую сторону от мула. Это была хорошая идея: теперь мул находился между ним и гигантом, который минувшей ночью раздавил человека, как яичную скорлупу.

Что здесь делает Борей? Возможно, Главк поручил ему вернуть серебро. А может, гигант следовал указаниям собственной воли. Акенон подумал об Эшдеке, могущественном карфагенском друге, одно лишь имя которого должно было его защитить... Перед людьми, но не перед зверями. Он сделал шаг к выходу, не отрывая взгляда от гиганта. Тот не шевельнулся. Затаив дыхание, он продолжал медленно следовать вперед. Если Борей внезапно нападет, он сумеет выскочить на улицу, даже если ему придется бросить мула и мешок с наградой. Со временем попытается вернуть их через Эшдека.

Он был всего в двух шагах от коридора, ведущего наружу. В этот момент Борей открыл глаза и впился в него напряженным взглядом.

На лице чудовища мелькнула улыбка.

Глава 7

17 апреля 510 года до н. э

Звуки ударов не проникали в сознание Александра. Молодой солдат из личной охраны Главка с горечью вспоминал минувшую ночь. Он был одним из стражников, дежуривших у дверей зала, присматривая за тем, чтобы ни одна муха не вылетела наружу, пока его господин выводит на чистую воду несчастного Фессала.

«А все из-за Акенона, проклятого египтянина», – с досадой подумал Александр.

Сколько раз они с Фессалом играли в кости! Он был хороший парень, спокойный, приветливый, всегда с улыбкой на устах. Александр никогда не забудет его ужасную смерть.

Стук повторился, Александр подошел к двустворчатой наружной двери. Напарник остался у внутренних дверей, с той стороны коридора.

Через металлический глазок он увидел снаружи женщину лет тридцати. За ней стояли двое мужчин, с виду безобидные. Все трое одеты в простые белые туники, без пряжек и других украшений, и ни один, казалось, не имел при себе оружия. Александр откинул засов и открыл одну из створок.

– Это жилище Главка? – незнакомка заговорила первая, опередив Александра.

«Любопытно, кто эта женщина, которая ведет себя как мужчина?» – немного обиженно подумал про себя охранник.

– А кто спрашивает? – резко спросил он.

– Я Ариадна из Кротона. Мы ищем Акенона. Уверена, что найдем его здесь.

«Проклятый египтянин». Александр почувствовал, как злоба обжигает живот, и сжал рукоять копья.

Он обратил на женщину враждебный взгляд. Возникло желание ответить грубо, а то и вовсе буркнуть, что Акенона у них нет; впрочем, он успел убедиться в том, египтянин был гостем, высоко ценимым господином. А значит, следовало проглотить обиду.

– Попрошу, чтобы его вызвали, – нехотя сказал он.

И захлопнул дверь перед носом у Ариадны. Это было единственное удовольствие, которое он мог себе позволить, по крайней мере, на данный момент.

Ариадна улыбнулась. «Не похоже, что Акенон успел завести себе здесь друзей», – подумала она. Было бы любопытно с ним познакомиться. Она повернулась, отошла от дверей и стала ждать вместе со своими спутниками.

Она с удивлением отметила, что волнуется. До этого момента она считала само собой разумеющимся, что египтянин ответит согласием, на самом же деле никаких гарантий не было.

«Пусть Аполлон сделает так, что он примет наше приглашение», – взмолилась она.

Сложила руки на груди и машинально уставилась на дверь.

* * *

Борей и Акенон молча смотрели друг на друга. Солнце отвесно падало на кожу фракийского гиганта, подчеркивая ее красноватый оттенок.

Они стояли неподвижно, и время будто бы замерло.

Наконец Акенон потянул поводья и повел мула к выходу. Он не отрываясь смотрел на Борей, но краем глаза заметил, что дверь закрыта. Придется стучать и дожидаться, пока откроют.

Мул шагнул вперед. Звук копыт, казалось, разбудил Борей, и тот сжал свои огромные кулаки. Акенон почувствовал, как кровь стынет в жилах, и незаметно ухватился за рукоять сабли.

Глава 8

17 апреля 510 года до н. э

– Акенон!

Он резко обернулся, одновременно поднимая саблю. Дверь открылась, и с порога его окликнул охранник.

Акенон испытал внезапное облегчение, которое в следующий миг сменилось новым опасением. Возможно, у охранника и Борея были одни и те же намерения: вытащить серебро Главка из седельных сумок и присвоить его.

Он напряг мышцы и ждал с поднятой саблей, зорко наблюдая за тем, что происходило впереди и позади него.

– Тебя ждут у ворот, – неохотно заметил охранник. – Женщина... Ариадна из Кротона.

Акенон нахмурился. «Не знаю я никакой Ариадны», – пронеслось в мыслях.

Появился еще один охранник и встал рядом с первым. Они широко распахнули внутреннюю и наружную двери и посторонились, пропуская его вперед вместе с мулом. Акенон было заколебался, но в следующий миг решил, что всякий риск предпочтительнее Борея. Одной рукой держа повод, другой саблю, он направился к выходу, не переставая следить за гигантом.

* * *

«Надо же, никто не предупредил меня, что он такой красавчик», – подумала Ариадна.

На ее лице не отразилось ни малейшего интереса, но, по правде сказать, она с любопытством посматривала на Акенона, который проходил через дверь, ведя за собой изрядно нагруженного мула. Он был лет на десять-пятнадцать старше ее и, как ей показалось, сохранял отличную форму. Короткая темная накидка

облегала его тело, однако впереди не было заметно округлого пузца, свойственного мужчинам его возраста. На руках угадывались крепкие мускулы, которые в сочетании с высоким ростом делали его заметным среди прочих.

Подойдя ближе, египтянин устремил на нее внимательный и отчасти недоверчивый взгляд. Ариадна смотрела на него без смущения и заметила в его глазах искорку интереса. Лицо у него было скуластое, смуглое, с полными губами и темными глазами. Отросшие черные волосы. В отличие от большинства греков щеки и подбородок гладко выбриты.

Акенон миновал портик и оглянулся. Охранники закрывали за ним дверь, а значит, и Борей, и они сами больше не представляли собой угрозу. Он спрятал саблю и молча наблюдал за единственными людьми, которых видел на улице. Вызывающе выглядывшая женщина и двое мужчин стояли рядом с тремя ослами без поклажи.

– Вы ждете меня? – спросил он, обращаясь к мужчинам.

Один из них посмотрел в сторону женщины, которая ответила тихим твердым голосом.

– Меня зовут Ариадна, а это – Браврон и Телефонт. Мы прибыли из Кротона, из пифагорейской общины. Пифагор желает пригласить тебя в общину и обратиться к тебе за услугой. Он попросил передать тебе его самое горячее приветствие и пожелание увидеть тебя вновь.

Акенон отвел взгляд и несколько секунд молчал, прежде чем ответить. Он и сам собирался навестить Пифагора, покончив с делами в Сибарисе. Более тридцати лет назад, когда сам Акенон был еще ребенком, Пифагор некоторое время жил в Мемфисе, родном городе Акенона. Его отец был чиновником и к тому же замечательным геометром. Занимался обучением новых геометров для работы над правильной переразметкой земель после разливов Нила. Сам фараон попросил его отца передать Пифагору знания, которые египтяне накапливали веками. Харизматичный грек много дней провел с Акеноном и его отцом. Мать Акенона, родом из Афин, скончалась годом ранее, и семья состояла из отца и сына. Они не раз делили трапезу с Пифагором, который даже спал у них дома, когда оживленная беседа незаметно затягивалась до рассвета.

Акенон невольно улыбнулся. Он запомнил Пифагора как обаятельного и к тому же очень доброго человека. Философ не раз говорил Акенону, что у него большие способности, и мальчик раздувался от гордости, получая похвалу от друга своего отца и даже самого фараона. В то время отец обучал Акенона геометрии, и с тринадцати лет мальчик довольно неплохо ее знал. Если бы судьба не увела его по другой дороге, он был бы неплохим геометром.

За эти годы имя Пифагора стало известно во всем мире. Акенон время от времени слышал о нем, о его растущем влиянии и чудесах. Он не видел его больше трех десятилетий, и теперь обрадовался, что великий учитель о нем вспомнил, однако ему было неприятно, что тому потребовались его услуги. Он был уверен, что благодаря серебру, полученному от Главка, сможет осуществить свою давнюю мечту и на несколько лет забыть о расследованиях и преступлениях.

Он кивнул и поднял взгляд на Ариадну.

– Я поеду с вами. Мне очень хочется снова повидать Пифагора. Однако не думаю, что готов браться за какую-либо работу. Через несколько дней собираюсь в обратный путь.

– Спасибо, что готов к нам присоединиться, – ответила Ариадна. – Что же до остального, то лучше всего поговорить об этом с Пифагором.

«Сомневаюсь, что ты ответишь ему отказом, – мысленно добавила она. – Никто на такое не способен».

* * *

В это время в восьмидесяти километрах от Ариадны и Акенона Пифагор прогуливался в одиночестве в роще неподалеку от общины. Он брел неторопливо, поглощенный своими мыслями, и время от времени качал головой. Непосильная ноша, которая легла на его плечи, сгибала спину, обычно прямую и величественную.

А позади, прячась среди сосен, кто-то крался, наблюдая за великим учителем. Он следил за ним вот уже некоторое время. Как и Пифагор, он также размышлял

о смерти Клеоменида; однако, в отличие от учителя, мысль эта доставляла ему немалую радость.

Глава 9

17 апреля 510 года до н. э

Как только последние дома Сибариса остались позади, Акенон испытал внезапную эйфорию.

Ощущение было таким сильным и приятным, что поглотило все его существо. Это был прилив радости и энергии: работа успешно завершена, позади неприятная встреча, когда он испугался за свою жизнь, а в седлу приторочены два увесистых мешка, наполненные серебром: подлинное сокровище. К этому присоединялось возбуждение, даже, можно сказать, удовольствие от путешествия по незнакомым краям в обществе женщины, которая казалась ему все более привлекательной.

Они ехали третий час, все время держась вдоль берега. На безоблачное небо взошло солнце, и воздух прогрелся. Акенон заметил, что чем дальше они отъезжали от Сибариса, тем больше им попадалось по пути крутых подъемов и спусков. Ариадна ехала следом за ним. Два ее спутника, молчавшие всю дорогу, следовали поодаль на некотором расстоянии, видимо, погружившись в медитацию.

Акенон перекинулся с Ариадной несколькими фразами, но было бы преувеличением сказать, что у них завязался разговор. На его вопросы она отвечала односложно, когда же он спрашивал о причинах, по которым они направляются в Кротон, она всякий раз ссылалась на Пифагора. Однако, несмотря на то, что Ариадна выглядела не слишком разговорчивой, по ее молчанию и мимолетно брошенным взглядам Акенон заподозрил, что она к нему равнодушна. В Карфагене он имел некоторый успех среди женщин, и не было оснований думать, что с гречанками будет иначе. Бабником он не был, скорее наоборот. В юности он пережил долгий период аскетизма, который оставил след в его жизни. Однако в настоящий момент аскетизм никак не сказывался на его желаниях.

Сидя в седле, он исподволь наблюдал за Ариадной, которая иногда вырывалась вперед и ехала с ним рядом. Светло-каштановые волосы были убраны в хвост. Лицо показалось ему умным, а зеленые глаза и чувственный рот делали его выражение вызывающим. Ростом она была гораздо ниже Акенона, должно быть, доходила ему до плеч, формы отличались выразительностью, однако выглядела она не пышной, а чувственной. Он смотрел на подрагивание груди под туникой. Тонкая ткань красноречиво облегла тело. Акенон разомкнул губы и задышал через рот. Ариадна повернула голову, посмотрела на него и улыбнулась. От ее улыбки Акенону стало жарко. Он был почти уверен, что... Кто знает, чем кончаются такие путешествия?

Египтянин пришпорил мула и поравнялся с Ариадной.

- Полагаю, мы сделаем привал перед тем, как доберемся до Кротона.

- Конечно, придется переночевать на полпути. По этим тропам ехать можно только медленно. До захода солнца доберемся до постоянного двора. - Она снова улыбнулась лукавой и, возможно, многообещающей улыбкой. - Чтобы перекусить, можем остановиться на лугу сразу вон за тем маленьким мысом.

Акенон повернул голову. Браврон и Телефонт ехали в нескольких метрах позади и не могли слышать их разговор.

- Может быть, мы могли бы остановиться раньше? Я имею в виду...

Он пристально посмотрел на нее и выразительно улыбнулся. Он никогда бы так не поступил при обычных обстоятельствах, но странное очарование Ариадны наполняло его желанием. Кто знает, сложатся ли еще раз обстоятельства столь благоприятным образом, окажутся ли они снова наедине в безлюдной местности с двумя сопровождающими, которые держались на расстоянии, поглощенные своим внутренним миром?

Она посмотрела на него непонимающе, на лице у нее отразилось наивное удивление.

«Интересно, она кокетничает или действительно не понимает?» - подумал он.

– Я имею в виду, – настаивал Акенон, – место, где можно укрыться среди деревьев, чтобы тебя никто не видел. – Он кивнул в сторону спутников.

– Ах вот оно что. – Ариадна улыбнулась. – Прости, что не поняла тебя раньше.

Она подняла руку, приказывая спутникам остановиться, и натянула поводья.

– Не думала, что ты такой застенчивый. Но не волнуйся, я привыкла. Моему пожилому отцу тоже приходится часто делать привал, чтобы справить нужду. Маленькие особенности старения.

Акенон уставился на Ариадну. На ее лице читалось насмешливое выражение. Она знала, чего он хочет, еще до того, как он открыл рот.

Он спрыгнул с мула и скрылся среди деревьев, проклиная себя.

Маленькие особенности старения...

Выждал минуту и вернулся. Этого времени было достаточно, чтобы чувство обиды прошло, и он от души над собой посмеялся.

Он вышел на дорогу с улыбкой на губах. Сел на своего мула, смело взглянув в смеющиеся глаза Ариадны, и они возобновили путь.

Некоторое время ехали молча, пока Акенон не повернулся к Ариадне и не сделал еще одно двусмысленное замечание. Не меняя выражения лица, она снова ответила с притворной наивностью, ловко переиначив смысл его слов. Акенон наклонил голову, чтобы скрыть улыбку. Вскоре он принялся нахваливать пейзаж, но так подбирал слова, словно намекал на обманчивую простодушность Ариадны. Она кивнула и тотчас ответила, сославшись на бесплодность местных земель, однако смысл ее слов мог быть истолкован как насмешка: самонадеянность наказуема.

Этот обмен двусмысленными замечаниями продолжался до конца дня, пока они огибали берег. Давненько Акенон не чувствовал себя так хорошо. Тонкое остроумие Ариадны, которая откровенно водила его за нос, разжигало любопытство и притягивало к этой женщине еще больше.

Ночью, лежа один в кровати на постоялом дворе, Акенон перебирал события дня. Прежде чем заснуть, он дал себе обещание: в Кротоне Ариадна непременно разделит с ним ложе.

* * *

На закате следующего дня они прибыли в пункт назначения.

Дорога вилась вдоль берега, который по мере приближения к Кротону становился менее обрывистым. Акенон с интересом рассматривал незнакомую местность, а мул устало преодолевал остаток пути. Кротон раскинулся у самого моря, в центре располагался порт. С течением времени город разрастался в глубь материка, пока не достиг подножия холмов, защищавших его с тыла. Он был не так велик, как Сибарис, но все же размеры его впечатлили Акенона, как и высота и великолепие главных зданий. Не зря он считался вторым по численности населения городом Великой Греции.

Но углубляться в город они не стали, а молча обогнули его в направлении ближайшего холма. Возле его склонов, в километре от границ Кротона, виднелась простая ограда, образовавшая прямоугольник триста на двести метров. Внутри располагались несколько зданий, храмы и сады, украшенные статуями. Община походила на деревушку, притулившуюся на орбите огромного Кротона и связанную с ним тропой, напоминавшей длинную пуповину. Казалось, город и деревня образуют таинственный симбиоз.

Дорога, по которой они двигались, пересекалась с тропой, и Ариадна повела небольшую группу прочь от Кротона в направлении необычных зданий. Это была пифагорейская община, основанная жителями Кротона, дабы Пифагор мог превратить это место в центр своего учения. За последние три десятилетия из скромной школы с несколькими десятками учеников пифагорейское братство превратилось в самое процветающее и влиятельное вольное сообщество своего времени: в кротонской общине обитали шестьсот учеников, тысячи адептов учения контролировали десятки правительств в разных городах.

Акенон этого не знал, однако имелась причина, по которой престиж Пифагора не достиг достойных его высот: согласно правилам, многие аспекты внутренней жизни не разглашались, а основа его мудрости держалась в тайне. Братья давали такой строгий обет, что не могли записывать свои открытия. Пифагор

был известен своей политической силой и огромным авторитетом как учитель и высочайший духовный вождь; однако единственный способ получить бесценные знания, которыми он делился, – это приблизиться к нему и быть с ним рядом.

Стать членом сообщества было непросто, а достичь последних ступеней практически невозможно. Все были свидетелями мощного сияния, исходившего от учителя, но лишь единицы могли созерцать этот свет вблизи. За три десятилетия существования братства только шесть великих учителей вошли во внутренний круг Пифагора. Один из них, Клеоменид, убит. Из оставшихся пяти лишь будущий преемник получит в полном объеме великое учение.

Подойдя ближе, Акенон почувствовал, как по спине пробежал озноб. Невозможно было не заметить ауру духовности, витавшую над братством. Акенон забыл о своей привлекательной попутчице, с которой не обменялся ни словом с тех пор, как увидел общину. Ум полностью сосредоточился на могучем и загадочном человеке, с которым он познакомился в Египте. Он готовился снова встретиться с ним... но тот теперь был уже не просто выдающейся личностью.

Он стал вождем вождей.

* * *

У ворот общины их ждала небольшая группа встречающих. Впереди стоял великий Пифагор. Акенон, привлеченный непреодолимым магнетизмом, не мог отвести от него глаз. Философа отличал внушительный рост, но прежде всего он излучал особый свет: казалось, солнце освещает белизну его туники и волос ярче, нежели остальной мир. Они спешили и проделали последние метры пешком. Ариадна шла рядом с Акеноном, лицо ее было непроницаемо.

Пифагор шагнул вперед, положил обе руки на плечи Акенона и заговорил своим твердым, искренним голосом:

– Акенон, как я рад тебя видеть.

Он окинул его пронзительным взглядом, и Акенон почувствовал странное смущение, как будто ему вдруг стало ясно, что хорошего или плохого сделал он за всю свою жизнь. В то же время, несмотря на твердое решение не втягиваться

в новое расследование, он был уверен, что отказать Пифагору будет очень трудно.

Оторвавшись от Акенона, учитель повернулся к Ариадне.

Его слова заставили Акенона побледнеть.

Глава 10

18 апреля 510 года до н. э

– Почему мы должны поручать иностранцу работу, которую обязаны выполнять наши органы порядка?

Килон размахивал руками, активно выражая возмущение. Он обращался к членам Совета Тысячи с трибуны зала, где они собрались, самого широкого и торжественного помещения Кротона. Тысяча самых влиятельных людей города со смесью любопытства и смущения слушала со скамей его страстную речь. Над роскошной пурпурной накидкой Килона возвышалось толстое, налитое кровью лицо, соперничавшее цветом с одеянием. Он с усилием перевел взволнованное дыхание, чтобы продолжить речь.

– Мне только что сообщили, что в общину прибыл человек, приглашенный лично Пифагором. И что бы вы думали? Он египтянин! – возмущенно воскликнул Килон. Он повернулся вправо и указал на группу заседающих. – Клеоменид был вашим братом, вашей родней, он был твоим сыном, Гиперион! И вы согласны, чтобы Пифагор снова проигнорировал наши законы и взял на себя роль органов порядка?

Старик Гиперион заворочался на своей скамье, раздосадованный и смущенный. В словах Килона имелась доля правды. Органы порядка начали расследование убийства его сына Клеоменида, но не нашли никаких зацепок, и Пифагор решил продолжить его своими силами. Служители закона могли бы и дальше расследовать это дело, но, поскольку улики не было, махнули на убийство рукой. С другой стороны, Гиперион мог бы с самого начала настаивать на более

решительных действиях, заставить сыщиков заниматься расследованием днем и ночью, перевернуть в общине каждый камень... но он бы ни за что не осмелился перечить Пифагору.

Килон грозно посмотрел на родственников Клеоменида, переводя взгляд с одного лица на другое. Все молча опустили глаза. Они были членами Совета Трехсот и никогда бы не стали возражать Пифагору; однако Килон и не ждал, что кто-то осмелится конфликтовать с учителем. Все, чего он хотел, – подорвать его моральный авторитет, чтобы Совет Тысячи хоть раз восстал против тирании пифагорейцев.

Аристократическое правительство Кротона традиционно представлял Совет Тысячи, в который входили мужчины основных семей и групп влияния. После прибытия Пифагора многие из тысячи были посвящены в пифагорейцы. Прошли тяжелые моральные и интеллектуальные испытания и с восторгом приняли учение, которое отныне регулировало все их действия. Наконец Пифагор убедил город – Килон не мог взять в толк, каким образом ему это удалось, – создать для посвященных новый орган – Совет Трехсот. Это была лишь группа в Совете Тысячи, но иерархически стояла выше.

С тех пор город подчинялся трем сотням пифагорейских гласных [13 - Гласный – член какого-либо коллегиального органа.], и Килон был полон решимости любым способом изменить подобное положение вещей. Он не мог спокойно смотреть, как главные люди города, подобно баранам, следуют за Пифагором. Убийство Клеоменида и прибытие египтянина стали шансом, который нельзя было упускать.

Он повернулся к остальным членам Совета, не столь истово преданным Пифагору, и воздел сжатые кулаки, усиливая пламенное звучание своей речи.

Глава 11

18 апреля 510 года до н. э

– Боюсь, у тебя голова пойдет кругом, если я начну представлять тебе каждого из этих людей, – сказал Пифагор. – По крайней мере, ты уже познакомился с Ариадной, моей старшей дочерью.

«Так вот оно что: Ариадна – дочь Пифагора!» – изумился Акенон.

Он изо всех сил продолжал улыбаться. Ему казалось, пронзительный взгляд учителя читает его самые потаенные мысли. В голове крутились картинки предыдущего дня, когда он пытался соблазнить Ариадну посреди леса.

Откуда ему было знать? Она же ничего не сказала.

Красавица поздоровалась с отцом, в последний раз одарила Акенона насмешливой улыбкой и ушла в общину. Акенон провожал ее взглядом, пока Пифагор не заговорил своим глубоким голосом:

– Следуй за мной, мы приготовили тебе комнату. Там ты найдешь свежую воду. Если хочешь, принесут что-нибудь поесть, а можешь дожидаться ужина, который подадут через пару часов.

– Спасибо, вода будет очень кстати. А сейчас я бы хотел отдохнуть.

Юноша лет двадцати подошел к его мулу и взял его за поводья, которые Акенон все еще держал в руках. Вспомнив о своем серебряном сокровище, он собрался было возразить, но вовремя сдержался.

– Хорошо. – Он отпустил поводья. – Благодарю.

Юноша улыбнулся, ничего не ответив.

– Он не может говорить, если его не спросят, – заметил Пифагор. – Как и те двое, которые сопровождали вас из Кротона: Браврон и Телефонт. Они тоже ученики со степенью акусматика. Имеют право лишь слушать и медитировать. Если освоят эту степень и пройдут необходимые испытания, получат степень математика. Тогда у них появится доступ к более важным тайнам, и они смогут обсуждать их со своими учителями.

Они вошли в скромный портик, ведущий в общину. Хотя он все еще находился под открытым небом, Акенону казалось, что он переступил порог храма. Поселение общины располагалось на склоне холма, и земля плавно поднималась от входа к постройкам. Акенон заметил справа статую Диониса, а слева – статую Гермеса. Чуть поодаль, с левой стороны, возвышались три храма из светлого, почти белого камня. Самый крупный из них был посвящен Аполлону. Два других оставались загадкой для Акенона, особенно один, полукруглый, подобных которому он прежде не видел.

– Храм Муз, – пояснил Пифагор, проследив за направлением его взгляда.

Акенон молча кивнул. Дорога, ведущая к храмам, была вымощена плитами. Остальные дорожки, пересекающие общину, были обычными тропинками, лишенными растительности. Они соединяли между собой различные постройки: жилые корпуса, школы, скотный двор и ухоженный сад с прудом, вокруг которого прогуливались ученики. Акенон успел заметить более двухсот учеников, почти все мужчины. Видимо, законы общины предписывали мужчинам носить льняные белые одеяния, хотя туники некоторых женщин были шафранового цвета.

– Я наблюдал за тобой на протяжении многих лет.

Слова Пифагора поразили Акенона, да и сама атмосфера в общине казалась ему загадочной и непостижимой. Он посмотрел на учителя. Тот улыбался из-под густой белой бороды. Неужели он и правда наблюдал за его жизнью? Следовало быть осторожным и не впадать в тщеславие, а также не забывать, что Пифагор призвал его к себе, чтобы провести расследование, чего сам он не хотел.

– Я очень уважал твою семью, – продолжал Пифагор; голос звучал доброжелательно и искренне. – Твой отец был выдающимся человеком, и я глубоко сожалел о его смерти.

– Его убили, – отозвался Акенон, бросив на него быстрый взгляд.

– Знаю. Это преступление вынудило тебя бросить изучение геометрии и стать стражем порядка, чтобы преступники не оставались безнаказанными.

Акенон почувствовал, как сжалось сердце. Да, именно по этой причине он пошел в стражи порядка, но никогда ни с кем об этом не говорил. Откуда Пифагор мог знать о нем так много?

– Я так и не нашел убийц, – с горечью признался он.

– Быть может, он предпочел бы, чтобы так оно и было, – мягко сказал учитель. – И твоя мать тоже. Вероятно, для тебя это к лучшему.

Акенон посмотрел в сторону Храма Муз и молча зашагал вперед. Пифагор поднял важный вопрос. Мать умерла, когда ему было двенадцать лет, и после убийства отца он представлял, что она смотрит на него с беспокойством и тревогой. В то время ему хотелось собственными руками прикончить убийц, а не предавать их правосудию. Это шло вразрез с учением, будто бы начертанным где-то в глубинах его души. Теперь он радовался, что не сделал этого. Возможно, жизнь была бы намного сложнее и запутаннее, если бы он выследил и убил преступников.

– Как ты меня нашел? – Ему и вправду было любопытно, а заодно хотелось сменить тему.

– Я узнал, что ты работаешь на Амоса Второго. После его смерти твой след затерялся, но несколько лет назад до моих ушей дошли слухи о сыщике из Карфагена, который с блеском раскрыл какое-то сложное дело. Его звали Акенон. Я сразу понял, что это ты.

Акенон потупился. «Он снова мне льстит», – подумал он.

– С тех пор я несколько раз слышал о тебе. Последний раз две недели назад, мне рассказали, что ты в Сибарисе. А я как раз собирался отправить тебе послание в Карфаген. Удивительное совпадение.

Акенону показалось, что учитель вот-вот обмолвится, для чего собрался его нанять. Но вместо этого тот указал на постройку.

– Твоя комната здесь.

Акенон снова вспомнил, что хранится у него в поклаже. Он оглянулся. Один из учеников молча вел мула в нескольких шагах позади них.

– Пифагор, – обратился он к учителю, понизив голос, – в мешке, навьюченном на мула, я везу много серебра.

Учитель кивнул и невозмутимо ответил:

– Я приказал поставить в твоей комнате ларь, который запирается на замок. Ключ будет только у тебя. К тому же в общине никогда не было краж. – Выражение его лица внезапно омрачилось, и голос дрогнул. – Хотя убийств раньше тоже не было.

Акенон вскинул брови.

– Убийств? Так вот почему ты пожелал, чтобы я приехал!

– К сожалению, так оно и есть. Но если ты согласен, мы поговорим об этом позже, когда ты отдохнешь. Я зайду за тобой перед ужином, мы прогуляемся и все обсудим. Что касается твоего багажа, в комнате он будет в безопасности, но если тебе будет спокойнее, мы отнесем его в мой дом. – На мгновение он задумался. – А можешь передать его Эритрию, опекуну, с которым работает братство.

Акенон посмотрел на него вопросительно, и Пифагор объяснил, кто такой опекун.

– В сообществе есть посвященные, проживающие вне общины, а есть ученики-насельники. Посвященные получают лишь общую часть учения, не покидая свою обычную мирскую жизнь. Ученики, которые живут в общине, передают свое имущество опекуну Эритрию, который о нем заботится.

Несколько секунд Акенон размышлял. Общину окружала изгородь, которую можно было легко преодолеть, однако внутри находились, казалось, только ученики, несколько сотен мужчин и десятки женщин, которые подали бы сигнал тревоги, если бы пробрался злоумышленник. С другой стороны, возможно, один из них убийца...

– Вещи я пока оставлю в комнате в ларе, – заключил он наконец. – Позже, быть может, передам серебро опекуну.

Пифагор кивнул и жестом приказал ученику помочь разгрузить мула. Акенон удивился, когда увидел, что старец Пифагор также участвует в разгрузке. Он изумился еще больше, заметив, что тот невозмутимо взвалил на плечо тяжесть, которая согнула бы гораздо более молодого мужчину. Когда они закончили, ученик увел мула в конюшню.

Оставшись с ним в комнате наедине, Акенон решил поговорить откровенно.

– Пифагор, я не хотел покидать Великую Грецию, не повидавшись с тобой. Для меня большая радость снова тебя увидеть.

Учитель кивнул, но не ответил, предполагая, что Акенон хочет сказать что-то еще.

– Но мне нужен отдых. Много лет подряд я работал без устали, потому что вокруг больше преступлений, страданий и несправедливости, чем хотелось бы. – Акенон в отчаянии покачал головой. – Я очень устал, и у меня нет ни сил, ни желания и дальше расследовать преступления. Мне жаль, но это так.

По выражению лица Акенона Пифагору было очевидно, что его решимость тверда, хотя его и воодушевили последние события. Как великий знаток человеческой природы, он знал, что обычно приток свежих впечатлений быстро сходит на нет.

– Если позволишь, – он положил руку на плечо Акенона, – мы обсудим эту тему позже. Я изложу то, о чем я хотел бы тебя попросить, и тогда ты сам решишь, будешь ли заниматься этим расследованием. А пока считай, что ты просто гостишь у нас в общине и ничего нам не должен. Не стоит говорить об этом сейчас, а на прогулке просто поболтаем.

Акенон молча кивнул, прежде чем ответить.

– Согласен. – Ему не оставалось ничего другого, как выслушать добрые слова учителя, догадываясь при этом, что это уловка и в конечном итоге философ все

же попытается его заполучить.

Оставшись один, Акенон устроился на ложе, расслабился и машинально уставился на потолочные балки. У него не было ощущения, что он в гостях. Он вытянул руку и положил ее на тяжелый деревянный ларь, где хранилось сокровище. Когда он уснул, в его сны проникла Ариадна из Кротона, дочь Пифагора.

Глава 12

18 апреля 510 года до н. э

Ариадна была буквально в двух шагах от спящего Акенона: она сидела у себя на кровати, прислонившись спиной к стене. На коленях у нее лежала деревянная дощечка со слоем воска. Используя стилос [14 - Стилос – писчий стержень из твердого материала, которым прорезают поверхность.], она нарисовала геометрические фигуры и мечтательно их созерцала. Она часто рисовала одно и то же. Эти фигуры приносили ей приятные воспоминания.

Десять лет назад, когда ей было двадцать, она проводила за учебой дни напролет. Ее единственным учителем был отец, который все чаще давал один и тот же разочаровывающий ответ:

– Я не могу больше тебя учить. Следующая ступень доступна лишь для великих учителей братства.

Ариадна опускала глаза и послушно умолкала, но с каждым днем ей все труднее было смириться с этой мыслью.

– Отец, – ответила она однажды, – что я должна сделать, чтобы ты позволил мне двигаться дальше?

– Ариадна, дочь моя, – голос отца, по-прежнему суровый и звучный, смягчался, стоило ему заговорить с дочерью, – чтобы я научил тебя тому, о чем ты просишь, ты должна выполнить условия, предъявляемые каждому великому учителю.

Необходимо долго жить в братстве...

– Я твоя дочь, и мне двадцать лет, – перебила его Ариадна, – я тут всю свою жизнь.

Глядя на любимую дочь, Пифагор улыбнулся. Он решил не напоминать, что великий учитель должен продемонстрировать соблюдение строжайших моральных правил. Ариадна стала бы уверять, что все выполняет, так что лучше пустить в ход безотказный аргумент.

– Кроме того, ты должна получить познания во всех областях нашего учения, а ты в основном интересуешься геометрией. Надо изучать астрономию, музыку...

Он замолчал, Ариадна сложила руки на груди и вздохнула, выражая свое разочарование.

– Может, на сегодня хватит?

– Нет, – ответила она. – Я хочу... – Она замолчала. Какая-то мысль пришла ей в голову. – Хорошо, я понимаю, что не заслуживаю степени великого учителя, но можешь ли ты хотя бы устроить мне экзамен по геометрии, который нужно пройти, чтобы стать им?

Пифагор вздохнул. Ловкий ход. Дело в том, что подобное испытание раскрыло бы Ариадне одно из знаний, которых она так жаждала.

Тем не менее ему пришлось вновь возразить дочери.

– На это я тоже пойти не могу. Ты должна продвигаться шаг за шагом. Когда придет время, устрою тебе экзамен на степень великого учителя. Если с течением многих лет тебе помимо прочего удастся внести свой собственный вклад в учение, ты удостоишься испытаний.

Ариадна склонила голову.

Она не стремилась в великие учителя, просто хотела изучать геометрию... и доказать, что в этой науке может быть так же хороша, как и лучшие учителя.

Она не смирилась с подходом отца, но продолжать спор не имело смысла.

Она попытается достичь своей цели другим способом.

На следующий день девушка сама вызвалась убираться в школе после занятий. Одна из задач заключалась в том, чтобы выровнять исписанные восковые дощечки, которые скопились в конце учебного дня. К своему огорчению, она обнаружила, что ученики более высоких уровней исправно делали это сами. Не зря они давали клятву, которая оберегала высшие знания. Несмотря на это, время от времени Ариадна видела, что на некоторых дощечках даже после этой процедуры можно было кое-что различить. Она жадно изучала значки и переписывала их на пергамент, спрятанный под туникой. Однажды обнаружила, что, если смотреть на дощечки при солнечном свете, можно различить и более глубокие отметки. Если дощечку обрабатывали недостаточно тщательно, разравнивался только внешний слой воска. То, что она различала на этих табличках при свете солнца, она так же спешно переносила на пергамент, который всегда был при ней.

Несколько недель спустя весь ее пергамент был покрыт убористыми письменами. Целыми днями она разгадывала их значение, пытаясь найти общий смысл в этих обрывках знаний. Большинство из них казались ей бессмысленными, но кое-что она разгадала. Объединив новые открытия с собственными знаниями, она поняла, что с помощью этих значков может вывести способ построения тетраэдра [15 - Др. - греч. «четырёхгранник» - элементарный многогранник, чьи грани представлены равносторонними треугольниками; простейший из пяти правильных многогранников, то есть таких, что составлены из одинаковых правильных многоугольников (у которых равны все стороны и углы между ними), а в каждой их вершине сходится одно и то же число ребер. Пифагорейцы считали его крайне важным для понимания геометрической модели мира (прим. авт.).]. Она переписала их на другой пергамент. Отныне она могла говорить отцу, что вывела эти законы без посторонней помощи, что это и есть вклад, делающий ее достойной того, чтобы научиться большему. Она могла бы так поступить, но это было бы ложью. Вот почему она корпела над пергаментом недели напролет. И однажды ее будто бы осенило: она задумала кое-что совершенно новое.

Это не было великим открытием, она даже не была уверена, что это нечто неизвестное, но для нее стало большим достижением. Она побежала к отцу и робко протянула пергамент, на котором был изложен ее вклад.

Не меняя выражения лица, Пифагор пробежал глазами пергамент. С того момента, как Ариадна устроилась добровольцем в школу, он догадывался о том, что она задумала. Однажды он увидел, как она рассматривает восковые дощечки под солнцем. Он боялся, что дочь предъявит ему то, что скопировала с этих табличек. Через несколько секунд он удивленно поднял бровь. Это был способ построения тетраэдра, но было на пергаменте и кое-что неожиданное. Он внимательно просмотрел еще раз. Небольшое изменение последовательности, иной подход, в самом деле оказавшийся новым. Как его применить, было пока неясно, но раньше он ничего подобного не встречал.

Пифагор посмотрел на дочь. На лице Ариадны он видел то же выжидательное выражение, знакомое ему с тех пор, как ей было десять лет, однако теперь перед ним была взрослая женщина, блестящая ученица, чьи способности наполняли его гордостью.

– Приходи ко мне на закате. Я устрою тебе экзамен.

Ариадна взвизгнула от радости.

* * *

Через несколько часов, когда солнце садилось, Пифагор повторил предупреждение, сделанное уже не раз.

– Помни, никто не должен знать, чем ты занимаешься. Я должен быть первым, кто про это узнает, я и так нарушил ради тебя несколько правил. – Его лицо стало серьезнее. – А теперь собираюсь нарушить еще одно, очень важное.

Ариадна кивнула, ее лицо также было очень серьезно. Пифагор непреклонно соблюдал все правила, на которых зиждилось братство, но ради Ариадны готов был сделать исключение. Ее ум больше, чем чей-либо, нуждался в учении.

– Я предлагаю тебе те же условия, что и всем остальным, кто проходит испытание. За двадцать четыре часа ты должна решить задачу, записанную на этом пергаменте. Ты не имеешь права ни с кем разговаривать, и никто не должен видеть, над чем ты работаешь. Время пошло. – Он передал ей

сложенный пергамент. – Оно истекает завтра с заходом солнца.

Ариадна развернула свиток, обеспокоенно пробежала его глазами и помчалась к себе, не сказав ни слова.

В ту ночь она не спала. При свете двух масляных ламп изучала содержание пергамента, пока не выучила его наизусть. Ей предстояло решить геометрическую задачу: вписать додекаэдр [16 - Др. – греч.

«двенадцатигранник» – один из пяти правильных многогранников, состоящий из правильных пятиугольников. Для пифагорейцев он был наиболее важной из всех фигур, а также наиболее сложной (прим. авт.) в сферу. Когда фигуры заплясали перед ее глазами, она сомкнула веки и продолжала работать мысленно. Это была очень сложная задача, куда сложнее, чем все те, которые ей приходилось решать до сих пор. Она пыталась использовать свои знания о тетраэдре, но безрезультатно. Додекаэдр был гораздо более сложной фигурой.

К рассвету она выбилась из сил и утратила всякую надежду. Она не вышла из комнаты даже к завтраку, но к полудню поняла, что усталость и голод сказываются на ее способности сосредотачиваться. Побежала на кухню, взяла фрукты и вернулась к пергаменту.

Еда подкрепила ее силы, но дело не двигалось. Половина пергамента, где следовало записать решение задачи, оставалась пуста – почти никаких набросков. Ариадне пришло в голову, что, скорее всего, она ее не решит. Может ли она достичь того, чего добилась лишь горстка мужчин, самых способных из всех учителей? Эта мысль росла час от часу, она заметила, что от расстройств воображает все хуже. Поток образов в ее сознании застопорился, и она сидела одна перед свитком, полным плоских фигур, ничего ей не говорящих. Внутри у нее все застыло, ее охватила паника. Солнце стояло в зените, скоро оно начнет клониться к горизонту. У нее оставалось всего несколько часов. Она дышала все быстрее и быстрее, чувствуя, что задыхается. Наконец отложила пергамент и вышла на улицу.

Она направилась к Храму Муз. Она видела, что отец наблюдает за ней издали, но не желала смотреть в его сторону. Укрылась в мрачном спокойствии храма и созерцала статуи муз.

«Вдохновите меня», – умоляла их Ариадна.

* * *

Она закрыла глаза и опустила голову, ожидая, когда к ней придут образы. Через некоторое время обреченно вздохнула. Не хотелось решать задачу с помощью краткого озарения. Она вдохнула, наполнив легкие безмятежной атмосферой храма. По крайней мере, теперь она чувствовала себя более расслабленной. Пора было возвращаться в комнату и биться над задачей дальше, пока не сядет солнце.

Ариадна снова уселась над пергаментом, мысленно перебирая все то, что делала до сих пор. Она решила разбить задачу на части и заняться каждой по отдельности. Через час ей показалось, что забрезжил какой-то результат, но у нее не было времени это проверить. Она пробовала так и эдак, записывая все, что приходило в голову. Свет, проникавший через окно, становился все тусклее.

В течение нескольких часов она работала в бешеном темпе, не возвращаясь к тому, что уже было сделано, пока не дошла до конца.

Теперь предстояло проверить, какие действия правильны, и подумать над теми, которые не удались.

Прежде чем вернуться к началу задачи, она бросила быстрый взгляд в окно.

Было темно.

- Нет! - воскликнула она.

Схватила пергамент и молнией выскочила из комнаты, чувствуя, что глаза наполняются слезами. Бегом пересекла поселение и в отчаянии ворвалась к отцу. Пифагор сидел за столом и ждал.

- Время истекло, - сказал он строго, как диктовали правила. - Солнце только что зашло... впрочем, полагаю, прошло не больше минуты с тех пор, как ты написала ответ.

Он протянул руку, и Ариадна вложила в нее пергамент.

– У меня нет времени проверить, – обреченно пробормотала она.

Пифагор развернул перед собой свиток и начал его просматривать.

– Я разделила задачу на действия, – сказала Ариадна. – Начало здесь. – Она ткнула пальцем в пергамент, – а затем следует...

Дочь стояла рядом с Пифагором, чтобы лучше видеть собственные каракули, и осознавала, что перед ней полный хаос. Дело не только в том, что в большинстве действий, если не в каждом, имелись ошибки, а главное, невозможно было понять, была ли эта мешанина чем-то большим, нежели бессмысленное нагромождение значков и символов.

Через две минуты Пифагор поднял глаза от пергамента и устремил на нее суровый взгляд. Затем начал длинную речь.

Услышав его слова, Ариадна заплакала.

* * *

Первое, что вызвало у нее слезы, – это осознание того, что она разгадала тайну додекаэдра. Все действия оказались правильными.

– Ты решила одну из самых сложных и важных математических задач, которые когда-либо решал человек. – Голос Пифагора звучал торжественно и почтительно. – Во всем мире на это способны не более двадцати душ. – Он сделал паузу и продолжил, подчеркивая каждое слово: – Отныне ты хранитель важнейшей тайны, одной из самых ценных наших тайн, и ты знаешь, что клятва заставит тебя хранить ее даже ценой собственной жизни.

Ариадна кивнула, сжав мокрые от слез губы. Затем Пифагор сказал, что клясться придется еще не раз: чем важнее тайны, которые она постигнет, тем строже будет клятва. Обычно клятву давали на специальной церемонии в присутствии нескольких членов братства, но поскольку никто не должен быть в курсе того, что Ариадна овладела этими знаниями, свидетелями церемонии будут только они двое.

Отец признался, что гордится Ариадной, однако напомнил о том, что она должна неукоснительно слушаться и равномерно изучать различные предметы, входящие в его учение.

– Думаю, через два-три года ты сможешь пройти испытания и стать учителем. Разумеется, проблем с геометрией у тебя не будет, но нельзя забывать, что дисциплин много.

Слушая отца, Ариадна кивала.

Со следующего дня она занялась остальными предметами и изучала их с тем же усердием, которое вложила в геометрию. А через два года, когда ей исполнилось двадцать два, стала самым молодым учителем братства. До поры до времени никто ничего не знал: они объявили об этом лишь несколько лет спустя, когда Ариадна достигла положенного возраста.

Отец хотел, чтобы Ариадна поднялась на следующую и последнюю ступень посвящения и стала великим учителем. Он разработал для нее специальную семилетнюю программу и продолжал лично руководить ее подготовкой. Однако через три года после получения степени учителя Ариадна внезапно взбунтовалась.

– Отец, вот уже десять лет я заперта в братстве и не общаюсь практически ни с кем, кроме тебя. Думаю, мне пора вернуться к людям. Сейчас мне хотелось бы заняться именно этим, а учеба пока подождет.

Пифагор смотрел на нее задумчиво. Когда Ариадне было пятнадцать, он стал ее личным опекуном. В то время учеба не была ее главным делом, однако продвигалась она с удивительной скоростью, и он втайне мечтал, что она пойдет по его стопам. Несмотря на это, он не собирался позволять этим мечтам помешать его главной задаче – защищать Ариадну и пытаться сделать все возможное, чтобы девочка была счастлива.

– Так тому и быть. – Им овладела печаль: он чувствовал, что Ариадна не вернется к учебе, но в то же время он радовался за нее. – А может, тебе поработать учителем в школе?

Ариадна согласилась и на следующий же день приступила к работе. Она начала отлучаться из общины, сначала ездила по делам в Кротон, а затем и в другие города, куда Пифагор посылал ее в качестве представительницы.

В последующие годы она объездила почти всю Великую Грецию. Тем не менее поиски Акенона были первым заданием, заставившим ее отправиться в Сибарис.

Очнувшись от воспоминаний, она поудобнее уселась на кровати, положила ногу на ногу и прислонилась спиной к стене. Затем еще раз взглянула на восковую дощечку, где изображался метод построения додекаэдра. Улыбнулась и стерла чертеж, тщательно разгладив воск.

До ужина оставался час. Она положила дощечку на кровать, глубоко вдохнула и закрыла глаза. Ей предстояло применить на практике другой навык, в котором, наряду с геометрией, она изрядно поднаторела благодаря отцу.

Она остановила поток мыслей и сосредоточилась на собственном сознании. Постепенно ей открывалось духовное пространство, пока она не овладела им полностью. Затем, черта за чертой, она вызвала в нем сияющий додекаэдр. Когда он был готов, она заставила его вращаться, пристально всматриваясь в каждый угол, в каждую грань. Через некоторое время освободила часть своего внимания и соединила его со своим телом. Максимально расслабила напряжение мышц, дыхание, сердцебиение... Снизив активность всего тела, она сосредоточила сознание на ментальном пространстве. Затем устремила все внимание к точке, пока не почувствовала, что там собралось все ее существо, скользящее в пространстве, порожденном ее собственным разумом. Она плавно перемещалась по этому пространству, приближаясь к огромному додекаэдру, который по-прежнему медленно вращался. И наконец проникла в его полость.

Окруженная додекаэдром со всех сторон, пребывая в центре его идеальных пропорций, Ариадна была полностью отрезана от внешнего мира. Собрала всю свою умственную энергию, чтобы проникнуть еще глубже. Прилагая огромные усилия, она проникала туда, куда не был способен попасть почти никто из великих учителей.

18 апреля 510 года до н. э

Если бы Акенон знал, с чем ему предстоит столкнуться, он бы немедленно сел на первый же корабль, отплывающий в Карфаген. Однако, проснувшись, он немного посидел на кровати, наслаждаясь приятным чувством покоя. В его ближайшие планы входила лишь намеченная прогулка с Пифагором. Хотелось уйти от разговоров, касающихся его участия в расследовании убийства... или полностью отказаться от них, если это будет необходимо.

Он встал и еще раз проверил ларь. Все в порядке: замок казался весьма надежным. Он вышел из комнаты и прошел через просторный внутренний двор, куда выходили комнаты учеников. В общине имелось четыре здания, предназначенных для жилья – одноэтажных, с комнатами, расположенными вокруг двора.

Он вышел на улицу и обнаружил, что Пифагор его ждет. Поприветствовав друг друга, они направились к портику, начав беззаботную беседу. Пересекли портик и свернули направо в сторону ближайшей рощи.

Акенон расспрашивал Пифагора о его семье. Он надеялся, что учитель расскажет ему что-нибудь об Ариадне.

– У меня трое детей. Ариадна – старшая, – ответил Пифагор, едва сдерживая отцовскую гордость. – Она более других одарена в математике, однако менее прочих заинтересована в остальной части учения. Возможно, это связано с ее независимым нравом. Нелегко быть одновременно отцом и учителем, но не менее сложно быть дочерью и ученицей.

Пифагор умолк и рассеянно погладил бороду. Акенон почувствовал, что на учителя нахлынули невеселые мысли, связанные с Ариадной. Он подавил желание продолжить расспросы о ней, и Пифагор продолжал:

– Дамо младше Ариадны на два года. Она всегда была послушной и дисциплинированной, к тому же блестяще одаренной. Можно сказать, что Дамо вместе с моей женой Феано руководит женской частью общины. Феано – отличный математик и обладает целительскими способностями, а Дамо быстро продвигается вслед за ней, успешно усваивая обе науки. В конечном итоге она,

быть может, превзойдет мать. Для столь юных лет она уже добилась заметных достижений.

Телавг – единственный мой потомок мужского пола. Ему всего двадцать семь, но он уже несколько месяцев руководит небольшой общиной в Катании. Отправляя его в Катанию, я возлагал на него большие надежды, и он их оправдал. И все же, несмотря на неоспоримый прогресс, он слишком неопытен, чтобы я мог считать его своим достойным преемником.

Акенон вопросительно поднял одну бровь. Пифагор впервые заговорил о преемнике.

Учитель не стал ничего уточнять. Он собирался поговорить об этом позже.

– И полагаю само собой разумеющимся, – продолжал он с внезапным воодушевлением, – что ты слышал о моем легендарном зяте Милоне.

Акенон нахмурился, услышав, что у Пифагора есть зять.

«Интересно, кто замужем за этим Милоном, – подумал он. – Дамо или Ариадна?»

Глава 14

18 апреля 510 года до н. э

Глаза Главка были широко раскрыты, словно от удивления, но окружающие понимали, что он их не видит.

Двумя днями ранее, приказав наказать Яко за измену, сибарит выпил лекарство, выданное ему Акеноном, и крепко уснул. На следующее утро секретарь по имени Парфений застал его спящим на триклинии в зале пиршеств. Он затворил двери и велел не беспокоить хозяина. Однако несколько часов спустя, с тревогой заметив, что господин не просыпается, приказал рабам перенести его на кровать в покои.

Главк не вставал с постели полтора дня.

В первый же вечер, заподозрив, что у хозяина начинается лихорадка, Парфений заказал жертвоприношение в храме Асклепия, бога медицины. Все прошло превосходно, но бог не сжалился над Главком, и лихорадка не отступала.

Парфений смотрел на своего господина и обреченно качал головой.

«Что еще мы можем сделать?» – соображал он.

Рядом с кроватью дежурили два раба, которые то и дело меняли холодные компрессы на лбу хозяина и смачивали его губы настоем, приготовленным из трав, которые дал им жрец Асклепия.

Внезапно Главк, обливаясь потом, приподнялся на кровати и уставился перед собой, созерцая видения, доступные ему одному. Вытянул пухлые руки и растопырил пальцы, словно пытаясь коснуться ускользавшей от него невидимой цели.

– Яко, Яко, Яко! – душераздирающе завопил он.

Парфений в ужасе посмотрел на хозяина: «О, Зевс и Геракл, неужели опять».

Повернулся и поспешно вышел из комнаты. Он был не в силах это терпеть. Каждые несколько минут Главк выкрикивал имя своего любовника, пока не падал без сил.

Миновав алтарь Гестии, Парфений пересек двор и направился к портику, ведущему на улицу. По пути он встретил начальника дворцовой охраны, человека сурового и энергичного.

– Есть новости? – буркнул Парфений.

– Мы только что закончили допрос. Рабыня утверждает, что видела, как египетский сыщик вошел в пиршественный зал, когда там был только наш господин Главк. – Начальник стражи нахмурился. – Сказала, что в руке он держал кубок и что-то в нем размешивал.

Ужасная мысль промелькнула в сознании Парфения: «Хозяин отравлен!»

– Во имя всех богов! – грозно воскликнул он. – Мы должны изловить этого негодяя Акенона, где бы он ни был.

Глава 15

18 апреля 510 года до н. э

Акенон понятия не имел, кто такой Милон.

– Неужели в Карфагене не слышали о шестикратном чемпионе Олимпиады по борьбе и семикратном чемпионе Пифийских игр? – удивился Пифагор.

Акенон пожал плечами и отвернулся. Он не слышал ни о Милоне, ни о Пифийских играх. Однако знал, что Олимпийские игры были однодневными соревнованиями по легкой атлетике и борьбе, где состязались все греческие полисы, города-государства. Игры проходили в честь Зевса, главного бога, и победители увенчивали славой себя и свои города, а затем до самой смерти жили за счет государственной казны. Олимпийские игры проводились в Олимпии каждые четыре года. Это означало, что Милон был чемпионом по борьбе более двадцати лет. Наверняка зять Пифагора настоящий колосс.

– Не говори Милону, что слава его не достигла Карфагена, – заметил Пифагор. – По его мнению, он самый знаменитый грек всех времен как в наших границах, так и за их пределами.

Учитель усмехнулся, и Акенон покосился на него, догадываясь, что безмятежный фасад не соответствует внутреннему содержанию.

Медленно ступая со сложенными за спиной руками, Пифагор продолжал уже более серьезно:

– Милон бывает грубоват, но в глубине души он человек хороший. Помимо прочего, крупный общественный деятель. Входит в Совет Трехсот, командует армией Кротона. Он не занимается братством, в отличие от своей жены, моей дочери Дамо, но он посвященный. – Акенон незаметно улыбнулся, узнав, что жена Милона не Ариадна. – Милон регулярно посещает общину и отдал в распоряжение братства свой загородный дом, где мы иногда проводим собрания.

Пифагор остановился и посмотрел по сторонам, размышляя, продолжать ли путь или пора возвращаться. Они гуляли по лесным тропинкам всего двадцать минут, но начинало темнеть. Он повернулся к Акенону.

– Мне выпало счастье иметь лучшую семью, которую только может желать мужчина. Моя жена и трое детей – дар богов. У нас, членов братства, очень тесные связи друг с другом.

В глубине его золотистых глаз затеплился мягкий свет, и на мгновение у Акенона закружилась голова, словно он заглянул в бездну. Голос великого учителя звучал по-новому.

– Одна из главных заповедей учения – узы дружбы священны. Все мои единомышленники – также мои друзья, мои братья... – Мгновение он колебался, словно не был уверен, стоит ли продолжить. – Но внутри каждого круга имеются свои круги.

Они помолчали. Казалось, обступивший их лес ожидал дальнейших слов Пифагора. Акенон внимательно посмотрел на учителя, понимая, что они вот-вот коснутся причины его тревоги.

– Внутренний круг общины состоит из учеников, которые пробыли подле меня дольше других. И больше других способны усваивать и развивать мое учение. Еще три недели назад этот круг составляли шестеро великих учителей. Один убит, осталось пятеро. – Пифагор поднял глаза, разглядывая темнеющее небо. – Пора возвращаться.

На обратном пути Акенон с трудом различал неровности на дороге и старался ставить ногу туда, куда ставил учитель. Пифагор упомянул об убийстве, но сразу умолк, чтобы не нарушить своего обязательства не говорить о деле. Или это

была тонкая попытка манипуляции?

Акенон почувствовал себя виноватым.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Перевод Е. П. Казначеевой; то же для следующего фрагмента.

2

Свод этических поучений пифагорейцев, неэзотерическая часть их учения, которую они посчитали нужным озвучить вовне своего сообщества.

3

Греческие колонии в южной Италии – на побережьях оконечности Апеннинского п-ова и на Сицилии; среди этих колоний – города Кротон и Сибарис, где разворачиваются основные события романа.

4

Богиня не только домашнего очага, как указано далее, но и, в широком смысле, правильного устройства общежития где бы то ни было – в семье, общине, государстве.

5

Здесь: вавилонское жречество и близкие к нему круги.

6

Первая ступень посвящения пифагорейцев, где через акусмы, т. е. особые постулаты, постигалась мифорелигиозная и этическая части учения; члены второй, математической ступени, занимались наукой.

7

Вымышленная книга. Имя автора Сокрам – это прочитанное наоборот имя автора романа, Маркос, а фамилия – перевернутое исп. Си2сифо, т. е. рус. Сизиф.

8

Один из городов Финикии, ныне Сайда в Ливане.

9

Баал – центральное божество ряда древних ближневосточных культов, включая североафриканские.

10

Фракия – историческая область на востоке Балкан, на терр. совр. Болгарии (преимущ.), Турции и Греции.

11

Триклиний – гарнитур из трех пиршественных лож-клиний.

12

Лицо без гражданства или подданства.

13

Гласный – член какого-либо коллегиального органа.

14

Стилос – писчий стержень из твердого материала, которым прорезают поверхность.

15

Др. – греч. «четырёхгранник» – элементарный многогранник, чьи грани представлены равносторонними треугольниками; простейший из пяти правильных многогранников, то есть таких, что составлены из одинаковых правильных многоугольников (у которых равны все стороны и углы между ними), а в каждой их вершине сходится одно и то же число ребер.

Пифагорейцы считали его крайне важным для понимания геометрической модели мира (прим. авт.).

16

Др. – греч. «двенадцатигранник» – один из пяти правильных многогранников, состоящий из правильных пятиугольников.

Для пифагорейцев он был наиболее важной из всех фигур, а также наиболее сложной (прим. авт.).

Купить: https://tellnovel.com/ru/chikot_markos/37587-ubit-pifagora

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)